

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА

Эдгар Аллан По
Убийства на улице Морг

Гилберт Честертон
Сапфировый крест

Гилберт Кийт Честертон
Эдгар Аллан По
**Убийства на улице Морг.
Сапфировый крест (сборник)**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12012386

Убийства на улице Морг. Сапфировый крест (сборник): Клуб Семейного Досуга; Харьков; 2010

ISBN 978-966-14-1854-6, 978-966-14-1853-9, 978-966-14-1850-8

Аннотация

В первый том серии «Золотая библиотека детектива» вошли рассказы Э. А. По («Убийства на улице Морг», «Тайна Мари Роже», «Похищенное письмо») и Г. К. Честертон («Сапфировый крест», «Око Аполлона», «Петушие звезды», «Молот Господень», «Честь Израэля Гау», «Невидимка», «Странные шаги», «Таинственный сад», «Грехи принца Сарадина», «Неверный контур»).

Содержание

Литература криминальной тайны	5
Эдгар Аллан По	11
Убийства на улице Морг	11
Тайна Мари Роже	32
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Убийства на улице Морг. Сапфировый крест (сборник)

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2010

* * *

Литература криминальной тайны

Детектив как литературный жанр (от англ. *detective* – сыщик) возник, как принято считать, в 1841 году, когда американский поэт Эдгар Аллан По создал свою знаменитую новеллу «Убийства на улице Морг», ставшую признанной классикой литературы этого направления.

Конечно, ничто в этом мире не возникает из ничего, и криминальные истории были известны еще с незапамятных времен. Достаточно вспомнить эпизод из Библии, когда Господь спрашивает Каина, где находится убитый им брат, а преступник отвечает с невообразимой наглостью: «Не знаю: разве я сторож брату моему?» И получает заслуженное наказание.

Значительная часть античных трагедий построена на преступлении и неотвратимом возмездии.

Детективными сюжетами изобилуют «Тысяча и одна ночь» и «Декамерон».

Шекспировский Гамлет ведет настойчивое и небезопасное расследование убийства своего отца.

Элементы детектива занимают весьма значительное место в произведениях Джеймса Фенимора Купера, Эжена Сю, Оноре де Бальзака, Александра Дюма, Чарлза Диккенса, Льва Толстого, Антона Чехова, не говоря уже о Федоре Достоевском, авторе «Братьев Карамазовых» и «Преступления и наказания».

Однако в чистом, «лабораторном» виде детектив как **художественно-образное отражение процесса расследования преступления** возник лишь на рабочем столе Эдгара Аллана По, причем именно тогда, когда общество оказалось готово к его восприятию, а он, детектив, уже был в состоянии удовлетворить запросы социального строя, пришедшего на смену феодализму. Этот строй, основанный на рационализме и личной инициативе, провозгласил верховенство права над произволом власти, так как только при этом условии возможно успешное развитие предпринимательской деятельности.

Детектив смог получить признание только тогда, когда симпатии продуктивной и к тому же достаточно значительной части населения оказались на стороне закона и порядка. Люди, желавшие жить в условиях социальной стабильности и правовой защищенности, начали симпатизировать блюстителю закона, а не его нарушителю. Таким образом Робина Гуда сменил Шерлок Холмс.

И не случайно детектив возник и получил массовое признание именно в англосаксонских странах, где к середине XIX века уже сложилась прочная система охраны общественного порядка, основанная на строгом соблюдении правил социальной игры.

На сцену вышел народный герой новой формации, смелый и неподкупный защитник потерпевших и преследователь их обидчиков, рыцарь особого образца. Он не закован в сверкающие доспехи, не размахивает мечом, не скачет на боевом коне. Он вооружен, однако пользуется громоздким «Смит и Вессоном» первой модели крайне редко, предпочитая гораздо более надежное и безотказное оружие – свой интеллект.

С легкой руки отца-основателя детектива новый рыцарь достаточно оригинален, если не сказать экстравагантен, и это свойство вошло в своеобразную традицию, которой придерживались (и продолжают придерживаться) сочинители детективных историй.

Огюст Дюпен, герой Эдгара По, человек весьма и весьма своеобразный, предпочитающий жить в полутьме за плотно притворенными ставнями и лишь в вечерних сумерках, как летучая мышь, покидать свое убежище, чтобы в «мелькающих огнях и тенях большого города черпать пищу для умственных восторгов...»; он любит шокировать своих знакомых неожиданными вторжениями в их потаенные размышления и выказывает крайне пренебрежительное отношение к методам работы полиции.

Его последователь Шерлок Холмс склонен к употреблению кокаина, курению грубого табака и игре на скрипке, при этом проявляя вопиющее невежество во всех сферах знаний, не имеющих прямого отношения к его деятельности сыщика-любителя.

Герои Эмиля Габорио – папаша Табаре, вышедший на пенсию оценщик ломбарда, и эксцентричный Лекок – никак не претендуют на роли суперменов-интеллектуалов. Им присуща, скорее, интуиция, чем дедукция, а интуиция, как известно, дама капризная...

Знаменитая американская писательница Энн Кэтрин Грин в конце семидесятых годов XIX века создала образ вполне уважаемого сыщика Эбenezера Грайса, действиями которого ненавязчиво руководила старая дева Эмили Баттеруорт, несомненная предтеча знаменитой мисс Марпл, героини Агаты Кристи.

Английский автор Эрнест Брама представил на суд читателей слепого сыщика Макса Каррадоса.

Гилберт Кит Честертон вывел в роли сыщика скромного священника патера Брауна, а Ричард Остин Фримен придумал детектива-естественника доктора Джона Торндайка.

Огромную популярность приобрел порожденный безудержной фантазией Мориса Леблана повелитель воров Арсен Люпен, некий джентльмен-взломщик, ненавидящий убийц и широко применяющий дедуктивный метод при расследовании насильственных преступлений.

Герои Агаты Кристи – лысый, безупречно элегантный и тщеславный бельгиец Эркюль Пуаро, мисс Джейн Марпл, старая дева, собирательница деревенских сплетен, при этом блестящая незаурядным аналитическим умом, Паркер Пайн, ведущий свои расследования в уютном кресле, супруги Томми и Таппенс Бересфорд, азартно играющие в детективов, – все они наделены оригинальными чертами характера.

Джон Диксон Карр создал популярный образ детектива Гидеона Фелла – врача, рассудительного ученого-естественника.

Перри Мейсон, адвокат-сыщик, действующий в романах Эрла Стенли Гарднера, блестящий интеллектуал и при этом эпикуреец, которому не чуждо ничто человеческое.

Комиссар полиции Жюль Мегрэ, главный герой Жоржа Сименона, слегка медлительный, флегматичный, грузноватый мужчина в тяжелом драповом пальто, с неизменной трубкой в зубах и грубоватыми манерами, лишаящими его даже намека на загадочность, при этом обладающий непоколебимой верой в торжество добра. «Я всегда утверждал и продолжаю утверждать, что все убийцы – идиоты, – ровным голосом произносит он. – Не будь они идиотами, они не стали бы убивать... Я вас не убедил? Что ж, я, Мегрэ, берусь это доказать».

И многие другие рыцари без страха и упрека.

Они завоевали любовь миллионов.

Шерлока Холмса почитают как вполне реальное лицо. В Лондоне содержат специально оплачиваемого секретаря, в обязанности которого входит отвечать на многочисленные письма, адресованные великому сыщику. В 1975 году Шерлоку Холмсу присвоено звание почетного доктора университета Колорадо.

В городе Делфзейле (Голландия) в 1966 году поставлен памятник комиссару Мегрэ.

Агате Кристи королевским указом было пожаловано рыцарское звание.

О достоинствах детектива достаточно красноречиво свидетельствует интерес к этому жанру со стороны известнейших ученых и политических деятелей. Авраам Линкольн в одном из своих предвыборных выступлений заявил, что высоко ценит «исключающую случайность логику новелл мистера По». Томас Вудро Вильсон и Франклин Делано Рузвельт, также президенты США, были горячими поклонниками этого жанра и со всей откровенностью заявляли об этом. Список такого рода можно продолжать и продолжать...

Тем не менее детективу, как, пожалуй, ни одному из существующих литературных жанров, суждено было с самого рождения стать предметом яростных споров и взаимоисключающих вердиктов.

И в середине XIX века, и в наши дни нет недостатка в людях, усматривающих в детективе некий вызов своей жизненной философии, потому что произведение детективного жанра занимает совершенно однозначную позицию относительно Зла вообще и преступления в частности. А ведь значительная часть благообразных и внешне благонамеренных людей имеют четко выраженную криминальную психологию, оправдывающую социально опасные проявления, особенно исходя из позиций групповой солидарности. Достаточно вспомнить отвратительные сцены на открытых судебных заседаниях, когда родственники монстра-убийцы подвергают яростным нападкам родственников жертвы и свидетелей обвинения. И это вместо того, чтобы проклясть негодяя и всю оставшуюся жизнь прятать глаза от окружающих, жестоко страдая от самого факта родственной связи с ним... Однако эти люди мыслят совершенно по-иному и уверены в своей правоте. Конечно, они не могут приветствовать литературу, построенную на беспощадном преследовании злоумышленника вне всякой зависимости от того, чей он сын, брат, коллега или политический единомышленник.

Не приветствуют детектив и функционеры государственных режимов тоталитарного толка, потому что этот жанр построен не на произволе, а на законе, на презумпции невиновности, согласно которой вину подозреваемого должно вполне аргументированно доказать следствие, а не печально известный постулат: «Признание – царица доказательств».

Социальная атмосфера деспотизма и тирании не терпит коллизий, в которых гениальный любитель, частное лицо добивается ошеломляющих результатов в расследовании преступления, тем самым посрамляя громоздкую и бездарную полицейскую машину.

Детектив – законопослушный жанр. Сыщик не может подбросить подозреваемому наркотики или взрывчатку, не может выбить из него признание, как не может рекрутировать лжесвидетелей. Он побеждает благодаря блестящему аналитическому уму, логике, интуиции, воле к победе и, конечно же, непоколебимой вере в торжество Добра над Злом, в торжество справедливости, которую столь безоглядно попирает преступник, взявший на себя смелость бросить вызов моральным ценностям общества и законам жизни как таковой.

Детектив прежде всего **антикриминален**, хотя некоторые из противников этого жанра обвиняют его в том, что он построен на насильственном действии, следовательно, является своего рода катализатором роста преступности. Заявления подобного рода столь же абсурдны, сколь абсурдно было бы обвинить автора живописного полотна «Иван Грозный и сын его Иван» в пропаганде детоубийства.

Детектив не только не пропагандирует насилие, он самым активным и убедительным образом осуждает, развенчивает его мнимую романтику и выносит суровые и не подлежащие апелляции приговоры. В большей, пожалуй, степени, чем литературные произведения других жанров, подчас формирующие достаточно толерантное отношение к тем, кто «оступился» или «стал жертвой несовершенства общества». Детектив не занимается анализом социальных болезней. Есть преступление, есть тот, кто его совершил, и есть тот, кто от имени всех нормальных людей идет по следу, чтобы выявить, вычислить, поймать и отдать в руки правосудия того, кому не место в социуме.

Что же касается изначально порочных людей, то они встречаются в любом обществе независимо от его морального климата. Если в одной и той же семье, предположим, достаточно интеллигентной и обеспеченной, из двух взрослых сыновей один – добропорядочный гражданин, а второй становится насильником и убийцей, то не стоит в последнем случае обвинять общество. Как советовал Козьма Прутков, «неча на зеркало пенять, коли рожа крива». Общество – не более чем питательный бульон, в котором может при благоприятных

обстоятельствах развиться бацилла преступности, без которой нет и не может быть преступления.

Расследование – прежде всего *увлекательная игра*, а интерес к игре заложен в самой природе человека, является его потребностью, так что детектив лишь служит средством удовлетворения этой потребности.

Еще одно неотъемлемое свойство человеческой природы – *любопытство*, которое настоятельно требует своего удовлетворения при соприкосновении с некой тайной, наличие которой является непреложным условием создания произведения детективного жанра. Как заметил в свое время Альберт Эйнштейн, «самое прекрасное чувство, которое может выпасть на долю человека, – ощущение тайны. Это источник всякого истинного искусства, всякой науки».

Зачастую детектив сравнивают с игрой в шахматы, где по обе стороны клетчатой доски сидят автор и читатель, который пытается предугадать очередной ход противника, опередить его на пути к развязке и поздравить себя если не с победой, то хотя бы с тем, что он, как говорится, «тоже не лыком шит», если оказался способен разгадать сложную головоломку.

Читатель ощущает причастность к захватывающей охоте на существо, которое вследствие своих сознательных действий утратило человеческий облик и представляет собой страшную угрозу для окружающих. Если у охотников на пернатую дичь или на зверя нет-нет да и ёкнет сердце от осознания несправедливости своих действий в отношении совершенно безгрешных существ, то в процессе преследования преступника подобные эмоциональные колебания напрочь исключены.

Как писала в свое время королева детектива Агата Кристи, «можно было бы воздержаться от своего отношения к убийцам, но, по-моему, они – проклятие для общества: они приносят исключительно ненависть и извлекают из нее максимум возможного. Готова поверить, что убийцы ступили на свой путь из-за врожденной бездарности и поэтому, вероятно, заслуживают сострадания...но, мне кажется, пощады они не заслуживают... У нас в Англии мы не пытаемся приучить волка лежать рядом с ягненком, и сомневаюсь, что такое реально возможно. Дикого кабана мы стараемся выследить в горах до того, как он спустится к ручью убивать детей...»

В данном случае охотник ощущает себя спасителем мировой гармонии, а посему не может испытывать каких-либо сомнений в справедливости своего дела. Убийца должен понести заслуженное наказание, иначе жизнь на нашей планете превратится в ад.

В подавляющем большинстве случаев именно убийство становится ключевым моментом завязки произведения детективного жанра, и прежде всего из-за своей объективной непоправимости. Ведь похищенные вещи всегда можно разыскать и вернуть владельцу, но убитого человека не воскресишь, поэтому борьба с убийцей приобретает особо напряженный и беспощадный характер. Как в средневековой мистереии, страшный, неискупаемый грех разрушает райскую гармонию, которую требуется спасти, восстановить. Эта миссия возлагается на сыщика, который решительно и бескомпромиссно выполнит ее, став воплощенным бичом Божиим.

Еще одно непреложное требование к детективу – *непоколебимая логика*. Этот жанр предусматривает четкие логические выкладки, свободные от какой бы то ни было условности или приблизительности, подобно решению математической задачи.

Как говорил сэръ Артур Конан Дойл устами своего великого Шерлока Холмса, «преступление – вещь повседневная. Логика – редкая. Именно на логике, а не на преступлении и следовало бы сосредоточиться». Поэтому детективное произведение – прежде всего сложная логическая задача, которую вместе с тем под силу решить если не любому, то, по крайней мере, элементарно сообразительному читателю.

Нерешаемые, равно как и нерешенные задачи абсолютно недопустимы. Напряженное, с сильными перепадами и стремительными поворотами действие непременно должно подойти к своему логическому концу – раскрытию преступления и торжеству поправленной справедливости.

Хэппи-энд – обязательное условие создания произведения детективного жанра.

На протяжении всей истории становления и развития детектива самые выдающиеся его мастера неоднократно предпринимали попытки сформулировать наиболее общие принципы, которые определяли бы каноны жанра.

Например, признанный «отец детектива» Эдгар Аллан По настаивал на том, что главным героем непременно должен быть не бюрократ-полицейский, а оригинал-любитель, чьи дела описывает его почитатель, мягко говоря, не блещущий достоинствами интеллектуального характера. К тому же, по мнению Мастера, необходима легко доказуемая виновность, увы, совершенно ошибочно подозреваемого персонажа, а спрятанный предмет, от которого в немалой степени зависит разгадка страшной тайны, обязан располагаться в самом неподходящем и в то же время достаточно видном месте.

Гилберт Кит Честертон утверждал, что в сюжете детективной истории ни в коем случае не может действовать какое-нибудь всемирное тайное общество или просматриваться интриги международной дипломатии, как нельзя выводить на сцену «неожиданно и почти в конце романа чьего-то брата из Новой Зеландии, который похож на героя как две капли воды». И, естественно, недопустимо в роли преступника представлять совершенно второстепенный и ничем не проявляющий себя персонаж.

С. С. Вэн Дайн требовал, чтобы читатель имел равные с сыщиком возможности разгадки криминальной тайны, то есть, чтобы он имел свободный доступ ко всем вероятным уликам. По мнению Мастера, следует напрочь исключить действия каких-либо сверхъестественных сил или тайных обществ, как и вероятность объяснения тайны несчастным случаем или самоубийством.

Реймонд Чандлер был убежден в том, что детективный роман невозможен без ярких, захватывающих приключений, но с композицией простой и понятной как высокому интеллектуалу, так и крайне ограниченному субъекту. То же касается и разгадки кровавой тайны.

Роналд Нокс подчеркивал, что читателя никогда не следует посвящать в планы скрывающегося от правосудия преступника, как совершенно недопустимо использовать более чем один потайной ход или помещение, равно как и неизвестные яды или приспособления с абсолютно непонятным принципом действия. Весьма нежелательны братья-близнецы. И никаких счастливых стечений обстоятельств. Логика, логика и еще раз логика!

Эти и подобные принципы легли в основу разработки канонов жанра, который находится в процессе постоянного развития и совершенствования. В ходе истории детектива возникло множество школ и направлений, новых приемов и незабываемых образов, однако вся эта буйная и многоцветная поросль продолжает опираться на старые, но могучие корни законов и принципов, разработанных великими Мастерами.

Представленное на суд читателя 12-томное издание избранных шедевров призвано стать своеобразным окном в огромный, полный загадок и тайн, чарующий мир, имя которому Детектив.

Краткие сведения об авторах этого тома

Эдгар Аллан По (1809–1849) – американский поэт, критик, новеллист. Основоположник литературного жанра детектива.

Дебютом в этой области стали его три новеллы: «Убийства на улице Морг», «Тайна Мари Роже» и «Похищенное письмо». Некоторые теоретики жанра причисляют к дебютным еще две: «Золотой жук» и «Ты еси муж, сотворивший сие».

Эдгар По органично объединял в себе свойства утонченного поэта-мистика и прозаика, обладающего математически выверенным дедуктивным мышлением, поэтому в его произведениях леденящий ужас и темные страсти совершенно естественным образом уживались с аргументами чистой логики, что придает им особо терпкий аромат тайны, вызывающей брожение умов вот уже более чем полтора столетия.

Гилберт Кит Честертон (1874–1936) – английский писатель, философ, автор ряда сборников детективных новелл, теоретик литературы.

Честертон привнес в детектив интерес к наиболее острым проблемам бытия, преломляя их сквозь призму мировосприятия внутренне независимого философа.

Писатель создал одного из самых оригинальных и странных сыщиков детективной литературы – священника Брауна, ставшего главным героем пяти сборников: «Неведение отца Брауна» (1911), «Мудрость отца Брауна» (1914), «Неверие отца Брауна» (1926), «Тайна отца Брауна» (1927) и «Скандалное происшествие с отцом Брауном» (1935).

Все творчество Г. К. Честертон пронизано пафосом борьбы против жестокости и насилия.

В своем знаменитом эссе «В защиту детективной литературы», написанном в 1902 году, он отмечал: «Когда сыщик в приключенческом полицейском романе с безрассудной отвагой заходит в воровской притон и противостоит в одиночку ножам и кулакам бандитов, это наверняка побуждает нас помнить, что оригинальная и поэтическая фигура – это блюститель социальной справедливости, а воры и грабители – это всего-навсего старые как мир, самоуспокоенные космические ретрограды, счастливо наслаждающиеся древней респектабельностью обезьян и волков. Романтика полицейской службы оборачивается, таким образом, романтикой всего человечества».

В. Гитин, исполнительный вице-президент Ассоциации детективного и исторического романа

Эдгар Аллан По

Убийства на улице Морг

*Что за песню пели сирены, или какое имя носил Ахиллес,
скрываясь среди женщин, – вопросы сложные, все же ответ на них
попытаться найти можно.*

Сэр Томас Браун

Умственные способности, которые принято называть аналитическими, сами по себе с трудом поддаются анализу. Мы осознаем их только по результату, которого с их помощью удалось добиться. Помимо прочего известно, что для того, кто наделен ими в большой степени, они являются источником истинной радости. Как физически сильный человек находит удовольствие в своей силе, радуясь тем занятиям, которые требуют мышечного напряжения, так и аналитик наслаждается умственной работой, которая, что называется, «развязывает руки». Даже самые обычные занятия, позволяющие проявить свои способности, приводят его в восторг. Этот человек любит всяческие загадки, головоломки, шифры и проявляет в их решении такую проницательность, которая обычным людям кажется сверхъестественной. Полученные результаты, достигаемые путем использования четких и вполне определенных методов, кажутся основанными на интуиции.

Умение принимать решения, возможно, во многом подкрепляется математическим даром, в особенности тем наивысшим его проявлением, которое несправедливо и исключительно на основании обратного характера его действий, именуется анализом *par excellence*¹. И все же, для того чтобы анализировать, недостаточно просто уметь считать. К примеру, шахматист проделывает одно, даже не пытаясь заняться другим. Из этого следует, что представление об игре в шахматы как очень полезной для ума, не всегда соответствует действительности. Но я пишу не научный трактат, а всего лишь предисловие к довольно необычному рассказу и основываю свои мысли на достаточно разрозненных наблюдениях, поэтому воспользуюсь случаем, чтобы заявить: незамысловатость шашек является гораздо более сильным и полезным стимулом для проявления высшей силы мыслящего разума, чем продуманная изощренность шахмат. В последних, где все фигуры ходят по-разному и имеют свой, к тому же изменяющийся вес, сложность принимается за глубину (обычная ошибка). Внимание играющего здесь целиком устремлено на игру. Стоит ему хоть на секунду отвлечься, и он может допустить оплошность, которая приведет к значительному ухудшению положения, а то и к проигрышу. Многообразие и сложность ходов лишь увеличивают шансы совершить подобную оплошность, и в девяти случаях из десяти побеждает тот игрок, который внимательнее, а не тот, который способнее. В шашках же, где ходы единообразны и почти не имеют вариаций, возможность ошибиться в результате недосмотра значительно меньше, и во время игры внимание практически роли не играет, превосходства добивается тот, кто сообразительней. Чтобы было понятнее, давайте представим себе игру в шашки, где на доске осталось четыре дамки; возможность случайной ошибки, разумеется, исключим. Вполне очевидно, что победа здесь (при условии, что силы игроков равны) будет достигнута только благодаря какому-нибудь *recherché*² ходу, в результате сильного напряжения разума. Лишенный привычных ресурсов, аналитик представляет себя на месте своего противника, отожд-

---

¹ В высшей степени проявления (*фр.*). (Здесь и далее примеч. перев., если не указано иное.)

² Продуманный, тонкий (*фр.*).

дествляет себя с ним и таким образом зачастую получает возможность с первого взгляда увидеть те комбинации (порой на удивление простые), которые дадут ему возможность заставить противника допустить просчет.

Давно замечено, что вист оказывает влияние на то, что называют математическими способностями. Многие люди, наделенные интеллектом наивысшего порядка, находят в этой игре необъяснимое удовольствие, считая шахматы слишком легкомысленным занятием. Вне всякого сомнения, ни одна другая игра не требует от играющих таких аналитических способностей, как вист. Лучший в мире шахматист может не обладать никакими другими выдающимися способностями, но мастерство в висте дает возможность добиться успеха в любой иной более важной области, где происходит столкновение интеллектов. Говоря «мастерство», я подразумеваю то совершенство в игре, которое включает в себя понимание всех источников, из которых может сложиться допустимое преимущество. Они не только многочисленны, но и разнообразны и нередко заключены в таких укромных уголках мысли, которые для обычного игрока совершенно недоступны. Тот, кто внимательно следит, точно запоминает, поэтому можно сказать, что шахматист, умеющий полностью сосредоточиться на игре, скорее всего, будет прекрасным игроком в вист, тем более, что правила Хойла (сами по себе основанные на механике игры) достаточно понятны и однозначны.

Таким образом, основным залогом хорошей игры в вист считаются крепкая память и четкое следование правилам. Однако второе условие еще не определяет таланта истинного аналитика. Во время игры он молча наблюдает и делает выводы. Однако, возможно, так же поступают и остальные участники игры, поэтому разница в объеме полученной информации по большому счету зависит не столько от глубины умозаключений, сколько от внимательности наблюдателя. Очень важно знать, за чем следует наблюдать. Наш игрок ничем себя не ограничивает, так же как (поскольку главное все-таки – игра) не отбрасывает он и выводы, сделанные на основании факторов, не имеющих прямого отношения к игре. Он замечает выражение лица партнера, тщательно сравнивая его с выражениями лиц каждого из противников. Обращая внимание на то, кто как держит в руке карты, иногда по одним лишь взглядам, которые играющие бросают на свои карты, узнает, сколько у кого козырей и какого достоинства. Во время игры он подмечает малейшее изменение лиц; выражение уверенности, удивления, ликования или огорчения для него – повод для размышления. По тому, как рука берет взятку, аналитик узнает, может ли игрок, взявший ее, получить еще одну той же масти. Он узнает о хитрости противника по тому, как тот бросает на стол карту. Нечаянное или неосторожное слово, случайно выпавшая или перевернутая карта, то, с каким чувством (волнением или беспечностью) игрок пытается эту карту скрыть, подсчет взяток с учетом их порядка, смущение, неуверенность, рвение или волнение – все это указывает ему на истинное положение вещей, хотя сам он этого может даже не осознавать. После первых двух-трех ходов он уже знает, какие на руках карты, и далее играет так уверенно, как если бы остальные участники играли в открытую.

Аналитические способности не следует путать с обычной находчивостью, поскольку, если аналитик в обязательном порядке находчив, то далеко не каждый находчивый человек способен анализировать. Умение придумывать или комбинировать, в котором чаще всего и выражается находчивость, и за которое, по мнению френологов (как я полагаю, ошибочному), считающих эту способность первичной, отвечает отдельный внутренний орган, до того часто встречается у тех, чей интеллект в остальном граничит с дебилизмом, что это даже привлекло к себе внимание писателей, затрагивающих темы морали и нравственных устоев. Разница между находчивостью и аналитическими способностями имеет тот же характер, что и разница между фантазией и воображением, только отличие это намного глубже. В самом деле, нетрудно заметить, что люди находчивые – всегда фантазеры, но действительно развитым воображением наделены исключительно аналитики.

Следующий рассказ для читателя станет чем-то вроде пояснения к изложенному суждению.

Весну и часть лета 18... я провел в Париже, где и познакомился с неким месье Ш. Огюстом Дюпенем. Этот юный господин был потомком знатного, даже знаменитого рода, однако после череды неблагоприятных обстоятельств он оказался в такой нужде, что заложенная в нем от природы энергия покинула его и он совершенно перестал интересоваться обществом или думать о том, как вернуть былое богатство. Благодаря любезности кредиторов ему была оставлена небольшая часть отцовского состояния, и тот скромный доход, который она приносила, позволял ему при условии строжайшей экономии сводить концы с концами, не задумываясь над тем, как поступать с избытком средств. Строго говоря, единственным, что все еще доставляло ему удовольствие, были книги, а в Париже доставать книги нетрудно.

Наша первая встреча состоялась в небольшой библиотеке на улице Монмартр, куда нас с ним привели поиски одной и той же замечательной и очень редкой книги. Мы начали видеться чаще, и меня очень заинтересовала его семейная история, которую он весьма подробно изложил мне с той откровенностью, в которую впадают французы, когда разговор заходит о них самих. Кроме того, меня поразила его необыкновенная начитанность, но самое главное – его неудержимый пыл и свежесть воображения заставили меня почувствовать необычный душевный подъем. Мне, занятому в Париже своими собственными интересами, показалось, что общество этого человека будет для меня поистине бесценной находкой, и я откровенно признался ему в этом. В конце концов мы решили, что, пока я нахожусь в городе, мы будем жить вместе, и, поскольку мои обстоятельства были не такими стесненными, как у него, мне было позволено взять на себя расходы на аренду и обстановку в стиле, соответствующем нашей общей с ним задумчивой хандре, причудливого, изъеденного временем дома, который из-за каких-то суеверий, в суть которых вникать мы не стали, давно был оставлен предыдущими жильцами и доживал свой век в уединенном и безлюдном районе Сен-Жерменского предместья.

Если бы люди узнали, как мы с ним жили в этом месте, нас бы посчитали сумасшедшими... Впрочем, возможно, сумасшедшими безобидными. Наше затворничество было полным. Гостей мы не принимали, более того, я тщательно скрывал от своих прежних знакомых местоположение нашего убежища, а о Дюпене в городе давно позабыли, да и сам он уже много лет не вспоминал о парижском обществе. Мы с ним существовали в своем собственном мире.

У моего друга была одна странная причуда (как еще я могу это назвать?): его притягивала к себе Ночь; постепенно этой *bizarregie*³, как и всем остальным его странностям, поддался и я, позволив его диким чудачествам захватить себя с головой. Черная богиня не желала находиться с нами постоянно, но мы могли подделывать ее присутствие. С первым лучом зари мы закрывали все грязные ставни старого здания, зажигали пару тонких свечек, которые источали сильный аромат, но отбрасывали лишь слабый, призрачный свет, и погружались в полусон, читали, писали или беседовали, пока бой часов не предупреждал нас о приближении истинной Тьмы. После этого мы рука об руку отправлялись на улицу, продолжая дневные разговоры, или бродили до самой поздней ночи, уходя далеко в поисках того бесконечного возбуждения, которое может дать разуму созерцание диких огней и теней многолюдного города.

В такие минуты я не мог не восхищаться удивительным аналитическим даром Дюпена, хотя, хорошо зная умозрительную природу его мышления, был к этому готов. Ему и самому, похоже, доставляло искреннее удовольствие если не выставлять напоказ, то, по крайней мере, демонстрировать свои способности, и он никогда не скрывал, какую при этом испы-

---

³ Странность, причудливость (*фр.*).

тывал радость. С негромким отрывистым смешком он говорил мне, что видит большинство людей насквозь, как если бы у них на груди было окно, через которое ему не составляло труда заглянуть им в душу, и, как правило, подтверждал это заявление каким-нибудь прямым и в высшей степени удивительным доказательством того, что моя собственная душа для него – открытая книга. Когда разговор доходил до этой точки, он обычно становился холодно-отстраненным, взгляд его устремлялся вдаль, в то время как голос, обычно глубокий тенор, срывался на фальцет, который можно было бы посчитать недовольным, если бы не четкость и ясность произношения. Глядя на него в таком настроении, я часто вспоминал старинное философское учение о двойственности души и развлекался тем, что представлял себе Дюпена, распавшегося на две части: созидательную и разрушительную.

Не подумайте, будто за тем, что я рассказал, кроется какая-нибудь загадка, я вовсе не собираюсь превращать своего знакомого в некий романтический образ. Все описанные мною качества француза были всего лишь следствием работы его возбужденного, а возможно, и нездорового разума. Впрочем, лучше всего понять, что представляли собой его реплики во время таких разговоров поможет пример.

Однажды ночью мы прогуливались по длинной и грязной улице неподалеку от Пале-Рояль. Мы оба были погружены в свои мысли, и, по меньшей мере, минут пятнадцать никто из нас не произнес ни звука. Затем совершенно неожиданно Дюпен нарушил молчание следующими словами:

– Действительно, при его-то росте, он бы лучше шел в театр «Варьете».

– Да уж, это точно! – Я был настолько погружен в размышления, что ответил не задумываясь, поначалу даже не заметив, до чего точно его слова совпали с моими мыслями. В следующую секунду я уже пришел в себя, и моему удивлению не было предела. – Дюпен, – серьезно сказал я, – это выше моего понимания. Признаюсь откровенно, вы меня совершеннейшим образом озадачили. Я просто поражен! Как вам удалось узнать, что я думал о... – Тут я замолчал, чтобы убедиться, что он действительно знает, о ком я думал.

– ...о Шантильи, – подхватил он. – Почему вы замолчали? Вы про себя отметили, что его небольшой рост не подходит для трагических ролей.

Именно об этом я и думал. Шантильи – *quondam*⁴ сапожник с улицы Сен-Дени, увлекшись сценой, попробовал себя в роли Ксеркса в одноименной трагедии Кребийона, но, несмотря на старание, получил разгромные отзывы критиков.

– Ради всего святого, – воскликнул я, – скажите, какой метод вы использовали... (если вы использовали какой-нибудь метод), чтобы вот так влезть мне в душу.

На самом деле удивлен я был даже больше, чем хотел показать.

– На мысль о том, – ответил мой друг, – что этот чинильщик подошв не обладает достаточным ростом, чтобы играть Ксеркса *et id genus omne*⁵, вас навел торговец фруктами.

– Торговец фруктами? Вы меня поражаете... Но я не знаю ни одного торговца фруктами.

– Человек, который столкнулся с вами, когда мы вышли на эту улицу... Минут пятнадцать назад.

Тут я вспомнил, что действительно, какой-то торговец фруктами, несший на голове большую корзину с яблоками, случайно чуть не сбил меня с ног, когда мы сворачивали с С. на ту улицу, по которой сейчас шли. Тем не менее, какое отношение это имело к Шантильи, для меня оставалось загадкой.

Дюпен не имел склонности к *charlatanerie*⁶.

---

⁴ Бывший (*лат.*).

⁵ И ему подобных (*лат.*).

⁶ Шарлатанство (*фр.*).

– Я объясню, – сказал он. – И, чтобы вам было понятнее, для начала мы восстановим ход ваших размышлений с той секунды, когда я заговорил, до самой *rencontre*⁷ с упомянутым торговцем. Основные звенья этой цепочки таковы: Шантильи, Орион, доктор Николь, Эпикур, стереотомия, булыжники, торговец фруктами.

Немного найдется таких людей, которые хотя бы раз в жизни не восстанавливали шаг за шагом ход своих мыслей, приведший их к тому или иному заключению. Это довольно увлекательное занятие, и тот, кто проделает это впервые, будет поражен тем, казалось бы, безграничным расстоянием и полным отсутствием связи между отправной точкой и последней мыслью. Можно представить, какое меня охватило удивление, когда я услышал эти слова француза и вынужден был признать, что они в точности соответствуют действительности. Он продолжил:

– Если я правильно помню, сворачивая с С., мы разговаривали о лошадях. Это последняя тема, которую мы с вами обсуждали. Когда мы выходили на улицу, мимо нас стремительно прошел торговец фруктами с большой корзиной на голове, он толкнул вас на кучу булыжников рядом с тем местом, где ремонтируют мостовую. Вы наступили на один из камней, поскользнулись, слегка растянули лодыжку, то ли рассердились, то ли расстроились, пробормотали несколько слов, повернулись и посмотрели на груды булыжников и молча пошли дальше. Я не следил за вами специально, но в последнее время у меня появилась привычка внимательно наблюдать за всем, что происходит рядом со мной. Вы шли, не поднимая глаз с дороги, с раздражением поглядывая на дыры и выбоины в мостовой (я понял, что вы все еще думаете о камнях), пока мы не дошли до Ламартин, узкого переулочка, который в качестве эксперимента замостили находящими друг на друга и сколоченными блоками. Тут ваше лицо просветлело, и, заметив движение ваших губ, я не мог не понять, что вы пробормотали слово «стереотомия», термин, которым для пущей важности нарекли такой род мостовой. Я знал, что вы не могли, произнеся слово «стереотомия», не вспомнить об атомах, а значит, и об учении Эпикура. Поскольку, когда недавно мы обсуждали эту тему, я, кажется, говорил, каким удивительным образом смутные догадки этого достойнейшего грека нашли подтверждение в позднейшей небулярной космогонической теории (хотя почти никто не придавал этому значения), я подумал, что вы непременно должны посмотреть на огромную туманность в Орионе, и, разумеется, стал ждать, когда вы это сделаете. И вы действительно взглянули вверх, чем и дали мне понять, что я верно следую за ходом ваших мыслей. Но в той язвительной статейке о Шантильи во вчерашнем номере «Мюзик» автор позволил себе некоторые отвратительные замечания по поводу того, что сапожник, встав на котурны, попытался изменить само свое имя и вспомнил латинское высказывание, о котором мы с вами часто говорили. Я имею в виду «*Perdidit antiquum litera prima sonum*»⁸. Я объяснял вам, что эти слова относятся к Ориону, который раньше писался Урион, и, поскольку мы пошутили по этому поводу, я посчитал, что вам это должно было запомниться и вы непременно соедините вместе два понятия: Орион и Шантильи. Усмешка, скользнувшая по вашим губам, подсказала мне, что я не ошибся. Вы подумали о том, что несчастный сапожник стал жертвой бессердечного зоила. До сих пор вы все время шли сутулясь, но тут распрямили спину, вытянули шею, и понял, что вам представилась миниатюрная фигурка Шантильи. В этот миг я и прервал ваши раздумья замечанием о том, что он, этот Шантильи, в самом деле, очень невысок, и ему лучше было бы попробовать себя в театре «Варьете».

Вскоре после этого мы как-то просматривали вечерний выпуск «Газетт де Трибюн», где наше внимание привлекла следующая заметка:

---

⁷ Встреча (*фр.*).

⁸ Первая буква уничтожила былое звучание (*лат.*).

«Загадочные убийства»

Сегодня утром, около трех часов, жители квартала Сен-Рок были разбужены душераздирающими криками, доносящимися из окна пятого этажа одного из домов на улице Морг, в котором, как известно, проживали некая мадам Л'Эспанэ с дочерью мадемуазель Камиллой Л'Эспанэ. После некоторой задержки, вызванной безуспешными попытками попасть в здание обычным путем, в ход был пущен лом, дверь удалось взломать, и восемь-десять соседей в сопровождении двух жандармов проникли в дом. К этому времени крики прекратились, но бросившиеся наверх люди, пробегая первый лестничный пролет, слышали еще, по меньшей мере, два грубых голоса, которые как будто доносились из верхней части здания и, похоже, о чем-то яростно спорили. Когда достигли второго лестничного пролета, эти звуки стихли, и больше ничего не было слышно. Группа рассредоточилась, люди стали заглядывать во все комнаты. Когда дошли до большой комнаты в глубине дома (дверь ее оказалась заперта, ключ вставлен в замочную скважину изнутри, поэтому ее пришлось взламывать), открывшаяся картина не только ужаснула всех присутствующих, но и удивила.

В помещении царил полнейший беспорядок, поломанная мебель разбросана по всей комнате. Здесь была только одна кровать, снятая со стойки и брошенная на пол. На стуле лежала окровавленная бритва, к каминной полке, которая тоже была вся в крови, прилипли две или три длинных седых пряди человеческих волос, и, похоже, что они были вырваны с корнем. На полу валялись четыре наполеондора, серьга с топазом, три больших серебряных ложки, три ложки поменьше из *métal d'Alger*⁹ и два мешка, в которых находилось почти четыре тысячи золотых франков. Ящики стоящего в углу комода были выдвинуты, в них явно рылся грабитель, хотя многие вещи остались не тронутыми. Небольшой железный сейф обнаружили под постелью (не под кроватьной стойкой). Он был открыт, в двери все еще торчал ключ. Внутри сейфа ничего, кроме нескольких писем и других маловажных бумаг, не оказалось.

Никаких следов мадам Л'Эспанэ видно не было, однако, после того как в камине заметили необычное количество сажи, решили исследовать дымоход, и в нем (это даже жутко представить!) нашли труп дочери, головой вниз. Его с силой втолкнули на довольно большое расстояние по узкому проходу вверх, где он и застрял. Тело было еще теплым. Когда его осматривали, во многих местах обнаружили содранную кожу, что, несомненно, указывало на то, с какой силой его заталкивали в дымоход и извлекали оттуда. Лицо было жестоко исцарапано, на горле виднелись темные кровоподтеки и глубокие следы ногтей, как будто жертву задушили насмерть.

Проведя тщательный осмотр всего дома и более ничего не обнаружив, группа направилась на небольшой мощеный задний дворик, где оказался труп старшей из женщин. Ее горло было перерезано так, что, когда тело попытались поднять, голова оторвалась. И тело, и голова были страшно изувечены, причем первое до такой степени, что почти не напоминало человеческое.

Насколько нам известно, пока что нет ни малейшего ключа к решению этой страшной загадки».

На следующий день в той же газете появились дополнительные подробности:

---

⁹ Алжирский металл (*фр.*).

«Трагедия на улице Морг»

В связи с этим загадочным и жутким делом было опрошено множество человек, однако пока не обнаружилось ничего, что могло бы пролить на него свет. Ниже мы приводим все факты, которые удалось установить на основании свидетельских показаний.

Полина Дюбур, прачка, показывает, что была знакома с обеими погибшими три года, в указанный период стирала их вещи. Престарелая дама и ее дочь были в хороших отношениях, очень любили друг друга. Платили всегда исправно и щедро. О том, как и на какие средства они жили, ей неизвестно. Полагает, что мадам Л. зарабатывала предсказанием будущего. Поговаривают, что она откладывала деньги. В доме посторонних она не встречала, ни когда заходила забирать одежду в стирку, ни когда возвращала ее. Уверена, что слуг они не держали. Ни одна из комнат в доме, кроме той, что на пятом этаже, не меблирована.

Пьер Моро, владелец табачной лавки, показывает, что почти четыре года продавал небольшими порциями мадам Л'Эспанэ курительный и нюхательный табак. Сам он родился в этом же районе и всю жизнь прожил неподалеку. Погибшая и ее дочь занимали дом, где были найдены их тела, больше шести лет. До них там проживал ювелир, который сдавал верхние комнаты внаем. Само здание принадлежало мадам Л. Ей не понравилось, в каком порядке жилец содержал ее собственность, поэтому она сама вселилась в дом, вовсе отказавшись от сдачи комнат. Старуха, похоже, впала в детство. За последние шесть лет свидетель видел ее дочь раз пять или шесть. Женщины вели очень уединенный образ жизни. Ходили слухи, что у них водились деньги. В разговорах соседей слышал, что мадам Л. была гадалкой, однако не верил. Ни разу не видел, чтобы в дом входил кто-нибудь кроме старухи, ее дочери, посыльного (раз, может быть, два) и врача (раз восемь-десять).

Многочисленные другие свидетели и соседи дают примерно такие же показания. Никто не бывал в этом доме часто; есть ли у мадам Л. и ее дочери ныне здравствующие родственники, неизвестно. Ставни на окнах, выходящих на улицу, открывались редко; окна, выходящие на задний двор, были закрыты всегда. Единственное исключение – окно большой комнаты в глубине здания на пятом этаже. Сам дом не старый и в хорошем состоянии.

Изидор Мюзэ, жандарм, показывает, что был вызван к дому около трех часов утра, увидел у двери два или три десятка человек, которые пытались проникнуть внутрь. Через какое-то время дверь удалось открыть при помощи штыка (не лома). Сделать это оказалось несложно, поскольку это двойная, или складная дверь, и ни сверху, ни снизу на засовы закрыта не была. Крики продолжались все время, пока дверь взламывалась, а прекратились неожиданно. Похоже, что кричавший или кричавшие испытывали страшную боль: крики были громкими и затихающими постепенно, а не короткими и быстрыми. Свидетель первым устремился наверх. Дойдя до первой лестничной площадки, услышал два голоса, громко и раздраженно спорящих: один – хриплый и сердитый, второй – визгливый, очень странный голос. Разобрал несколько слов, произнесенных первым голосом, который явно принадлежал французу. Совершенно уверен, что первый голос не был женским. Разобрал слова «sacré» и «diable»¹⁰. Визгливый голос принадлежал иностранцу. Сказать с уверенностью, мужской или женский голос, не может. Что произносил второй голос, не разобрал, но думает, что говорили по-испански. Состояние комнаты и тел свидетель описывает так же, как и мы во вчерашнем номере.

Анри Дюваль, сосед, по профессии – серебряник, показывает, что был одним из первых, кто вошел в дом. В целом подтверждает показания Мюзэ. После того как первой группе удалось проникнуть в подъезд, дверь снова заперли изнутри, чтобы не впустить

---

¹⁰ «Чертов», «дьявол» (фр.).

толпу, которая быстро выростала у входа, несмотря на столь ранний час. Визгливый голос, по мнению свидетеля, принадлежал итальянцу. Совершенно уверен, что не французу, однако утверждать, что голос был мужским, не может. Допускает, что голос мог быть женским. С итальянским языком не знаком. Слов не разобрал, но по звучанию совершенно точно определил, что говоривший – итальянец. С мадам Л. и ее дочерью был знаком лично, часто беседовал с обеими. Уверен, что визгливый голос не принадлежал ни одной из них.

Оденгеймер, ресторатор. Этот свидетель сам вызвался дать показания. По-французски не говорит, поэтому допрашивался через переводчика. Постоянно проживает в Амстердаме. Проходил мимо дома в то время, когда из него послышались крики. Продолжались они несколько минут, возможно, десять. Крики были продолжительными и громкими. Очень страшными, леденящими душу. Один из тех, кто первым вошел в дом. Подтверждает показания предыдущего свидетеля во всем, кроме одного. Уверен, что визгливый голос принадлежал мужчине, французу. Что было сказано, не разобрал. Голос был громким и быстрым, отрывистым. Говоривший явно был одновременно напуган и разозлен. Голос резкий, не столько визгливый, сколько резкий. Визгливым назвать такой голос не может. Хриплый голос несколько раз повторил «sacré» и «diable», один раз произнес «mon Dieu»¹¹.

Жюль Миньо, банкир, заведение «Миньо и сын» на улице Делорен. Старший из Миньо. У мадам Л'Эспанэ были сбережения. Весной ... года (восемь лет назад) открыла счет в его банке. Часто вносила небольшие суммы, но ничего не снимала. Впервые взяла деньги за три дня до смерти, лично сняв со счета четыре тысячи франков. Эта сумма была выплачена золотом и доставлена на дом служащим банка.

Адольф Ле Бон, служащий банка «Миньо и сын», показывает, что в тот день, около полудня, сопровождал мадам Л'Эспанэ до ее дома с четырьмя тысячами франков, уложенными в два мешка. Когда дверь открыли, вышла мадемуазель Л. и приняла из его рук один из мешков, в то время как старшая из женщин взяла второй. После этого он попрощался и ушел. На улице в это время не заметил никого. Улочка маленькая, очень пустынная.

Вильям Берд, портной, показывает, что был в составе группы, первой проникшей в дом. Англичанин. В Париже проживает два года. По лестнице поднялся одним из первых. Слышал спорящие голоса. Хриплый голос принадлежал французу. Несколько слов разобрал, но сейчас все вспомнить не может. Отчетливо услышал «sacré» и «mon Dieu». В какой-то момент слышал звук, как будто боролись несколько человек, звук драки, возни. Визгливый голос был очень громким, громче, чем хриплый голос. Уверен, что это был голос не англичанина. Больше похож на голос немца. Мог быть женским. Немецкого языка свидетель не знает.

Четверо из вышеуказанных свидетелей при повторном допросе показали, что дверь комнаты, в которой было найдено тело мадемуазель Л., когда группа до нее добралась, была заперта изнутри. Стояла полная тишина, не слышалось ни стонов, ни шума, ни каких-либо иных звуков. Когда дверь взломали, в комнате не оказалось никого. Окна и передней, и дальней комнаты были опущены и надежно заперты изнутри. Межкомнатная дверь закрыта, но не заперта. Дверь, ведущая из коридора в переднюю комнату, была заперта изнутри на ключ, вставленный в замочную скважину со стороны комнаты. На том же пятом этаже в передней части здания в начале коридора имеется еще одна небольшая комната, дверь в нее была приоткрыта. Эта комната завалена старыми кроватями, коробками и т. д. Все эти вещи аккуратно извлекли и внимательно осмотрели. Ни в одном из помещений здания не осталось и квадратного дюйма, который не осмотрели бы самым тщательным образом. Дымовходы проверили щетками. Здание пятиэтажное, с чердаками (мансардами). Люк, выходящий на крышу, крепко заколочен гвоздями, судя по его состоянию, не открывался уже несколько

---

¹¹ О Боже (*фр.*).

лет. Показания свидетелей относительно того, сколько прошло времени с момента, когда затихли спорящие голоса, до того, когда была взломана дверь в комнату, разнятся. Самое меньшее названное время – три минуты, самое большее – пять минут. Дверь удалось открыть с трудом.

Альфонсо Гарсио, гробовщик, показывает, что проживает на улице Морг. Испанец. Был в составе группы, вошедшей в дом. Наверх не поднимался: у него слабые нервы и ему нельзя волноваться. Спорящие голоса слышал. Хриплый голос принадлежал французу. Что было сказано, не разобрал. Визгливый голос принадлежал англичанину. В этом уверен. Английского языка не знает, но судит по звучанию.

Альберто Монтани, кондитер, показывает, что одним из первых поднялся по лестнице. Спорящие голоса слышал. Хриплый голос принадлежал французу. Несколько слов разобрал. Говоривший как будто в чем-то упрекал другого. Слов, произнесенных визгливым голосом, не разобрал. Речь была быстрой и отрывистой. Думает, что это мог быть русский. Общие показания подтверждает. Итальянец. С русскими никогда не разговаривал.

Некоторые из опрошенных свидетелей припомнили, что дымоходы во всех комнатах на пятом этаже были слишком узкими, чтобы через них мог протиснуться человек. Под «щетками» подразумевались цилиндрические щетки, которыми пользуются трубочисты для прочистки труб. Эти щетки были пропущены через все трубы в здании. Черного хода, по которому кто-нибудь мог бы спуститься, пока группа поднималась наверх, нет. Тело мадемуазель Л. было так крепко втиснуто в дымоход, что извлечь его оттуда удалось только совместными усилиями четырех-пяти человек.

Поль Дюма, врач, показывает, что его вызвали освидетельствовать тела примерно на рассвете. Когда он прибыл, оба тела лежали на матрасе, снятом с кровати в той комнате, в которой нашли труп мадемуазель Л. Тело младшей из женщин было сильно ободрано и имело множественные ссадины и кровоподтеки. Тот факт, что ее затолкали в дымоход, вполне объясняет появление подобных следов. На горле имелись особенно сильные ссадины. Прямо под подбородком заметил несколько глубоких царапин рядом с несколькими синевато-багровыми пятнами, наверняка следами пальцев. Лицо было совершенно белым, глазные яблоки вылезли из орбит. Язык частично прокушен. На подложечной ямке обнаружил большой синяк, очевидно оставленный коленом. По мнению месье Дюма, мадемуазель Л'Эспанэ была задушена насмерть неизвестным лицом или лицами. Труп матери был страшно изувечен. В той или иной степени пострадали все кости правой ноги и руки. Левая *tibia*¹² во многих местах раздроблена, так же как и большинство ребер с левой стороны. Все тело покрыто большими синяками и ссадинами. Определить, что могло нанести такие травмы, невозможно. Тяжелая деревянная дубинка или широкий железный прут, стул, любой большой, тяжелый и тупой предмет мог оставить такие следы, если бы находился в руках очень сильного мужчины. Женщина нанести удары такой силы не смогла бы никаким орудием. Голова жертвы, когда ее осматривал свидетель, была полностью отделена от тела и тоже сильно пострадала. Горло перерезано очень острым предметом, возможно, бритвой.

Александр Этьенн, хирург, был вызван для осмотра тел вместе с месье Дюма. Показания и выводы месье Дюма подтверждает.

Было опрошено еще несколько человек, но более никаких существенных дополнений не получено. В Париже еще не совершалось убийства более загадочного и необъяснимого... если убийство это было совершено человеческими руками. Полиция в полной растерянности, что очень необычно для такого рода дел. Нет ни единой зацепки, которая могла бы подсказать хоть какое-нибудь решение».

---

¹² Большая берцовая кость (*лат.*).

В вечернем выпуске газеты сообщалось, что жители квартала Сен-Рок по-прежнему обеспокоены, что проведен повторный осмотр места преступления и свидетелей допросили еще раз, но это не дало никаких результатов. Лишь в дополнении к статье указывалось, что был задержан и взят под стражу Адольф Ле Бон, хотя кроме фактов, уже изложенных, ничто не указывает на его причастность к этому делу.

Дюпена, похоже, необычайно заинтересовал ход расследования. По крайней мере, так мне показалось по его поведению, поскольку сам он не говорил ничего. Только после того, как стало известно об аресте Ле Бона, он спросил у меня, что я думаю об этих убийствах.

Я мог только согласиться с остальными парижанами в том, что они представляются неразрешимой загадкой. Я не видел ровным счетом ничего, что могло бы вывести на след убийцы.

– Мы не должны судить о том, что произошло, – сказал Дюпен, – по результатам осмотра места происшествия. Парижская полиция, которую так превозносят за ее «догадливость», на самом деле всего лишь пронырлива и не более того. Действия ее совершенно лишены методичности, они видят не дальше собственного носа и думают только о том, что происходит сейчас, в данную минуту. Они трубят на весь свет о том, что предпринимаются все необходимые «меры» и «шаги», но в действительности меры эти часто настолько не соответствуют решаемым вопросам, что поневоле вспоминаешь месье Журдена, который *roug mieux entendre la musique*¹³ требовал подать свой *robe de chambre*¹⁴. Не так уж редко результаты их работы вправду удивляют, но чаще всего за этим стоят всего лишь усердие и настойчивость. Когда эти качества не приносят плодов, все их расчеты идут насмарку. Видок, к примеру, был догадлив и деятелен. Но, не обладая тренированным мозгом, он постоянно ошибался, и причиной этому был именно напор, с каким он подходил к расследованию. Он слишком пристально всматривался в одну точку и этим ограничивал свое же поле зрения. Что-нибудь одно он видел необычайно ясно, но при этом обязательно терял из виду общую картину. Я хочу сказать, что, когда копаешь слишком глубоко, это тоже не всегда правильно. Правда не всегда обитает на дне колодца. Я даже могу сказать, что, когда речь идет о более серьезных областях знаний, искать ее всегда надо на поверхности. Глубина находится в долинах, в которых мы ищем ее, а не на вершинах гор, с которых мы ее видим. Есть прекрасный пример того, какие бывают виды и источники ошибок такого рода. Это созерцание небесных тел. Если бросать на звезду быстрые взгляды, направленные чуть-чуть в сторону (то есть обратить на нее наружный край сетчатки, более восприимчивый к слабым световым образам, чем внутренний, что дает возможность увидеть ее отчетливее, чем если смотреть прямо на нее), то блеск звезды воспринимается полностью, и чем «прямее» наш взгляд, тем более тусклым становится блеск. При этом во втором случае на глаз падает большее количество лучей, но в первом восприятие их чище. Излишней вдумчивостью мы усложняем работу мысли и ослабляем ее. Даже Венера может исчезнуть с небесного свода, если всматриваться в нее слишком внимательно, слишком долго или слишком прямо.

Что касается этих убийств, давайте-ка мы сами осмотрим место происшествия, прежде чем делать какие-либо выводы. Думаю, это будет забавно (мне показалось, в данном случае слово это не очень к месту, но я промолчал), и кроме того, Ле Бон однажды оказал мне услугу, за которую я ему благодарен. Поедем, увидим все собственными глазами. Я знаком с Г., префектом полиции, так что получить необходимое разрешение будет несложно.

Разрешение было получено, и мы, не откладывая дело в долгий ящик, сразу же отправились на улицу Морг. Это одна из самых захудалых улочек между улицами Ришелье и Сен-

---

¹³ Чтобы лучше воспринимать музыку (фр.).

¹⁴ Халат (фр.).

Рок. Район этот расположен достаточно далеко от того квартала, где жили мы, поэтому, до места мы добрались уже довольно поздно. Сам дом разыскать было нетрудно, поскольку напротив него до сих пор еще стояла группа зевак, с любопытством глазевших на его закрытые ставнями окна. Это был самый обыкновенный парижский дом с маленьким подъездом, рядом с которым стояла застекленная будка с поднимающейся панелью в окне, *loge du concierge*¹⁵. Прежде чем войти, мы прошли дальше по улице, свернули в переулок, потом снова свернули и оказались с задней стороны дома. При этом Дюпен осматривал окрестности и само здание с пристальным вниманием, которому я не находил объяснения.

Снова выйдя на улицу, мы подошли к двери, позвонили и после того, как предъявили дежурным соответствующее разрешение, нас впустили. Мы поднялись на пятый этаж, в ту комнату, где было найдено тело мадемуазель Л'Эспанэ и где до сих пор еще лежали оба трупа. Как обычно, в комнате был сохранен беспорядок. Все что я увидел, в точности совпадало с описанием в «Газетт де Трибюн». Дюпен тщательно все исследовал, в том числе и тела жертв, после чего мы прошли в другую комнату, потом спустились во двор. Все это время рядом с нами находился жандарм. Осмотр продолжался дотемна, потом мы ушли. По пути домой мой компаньон ненадолго заглянул в редакцию одной из дневных газет.

Я уже упоминал о многочисленных причудах моего друга и о том, что *je les ménageais*¹⁶ (в английском языке нет точного соответствия этой фразе). Теперь ему почему-то пришло в голову обрывать все мои попытки начать разговор об убийстве, заговорил он о нем только на следующий день, в полдень, когда неожиданно спросил меня, не заметил ли я чего-нибудь «особенного» на месте преступления.

Не знаю почему, но то, как он произнес слово «особенное», заставило меня вздрогнуть.

– Нет, ничего «особенного» я не заметил, – ответил я. – По крайней мере, ничего такого, чего бы мы уже не знали из газеты.

– Боюсь, что «Трибюн», – сказал он, – не постигла всей необычности этого ужасного происшествия. Но давайте забудем досужие домыслы сего издания. У меня создается впечатление, что эту загадку считают неразрешимой по той самой причине, которая в действительности указывает на то, что дело это очень простое. Я имею в виду самую чудовищность преступления. Полицию поставило в тупик отсутствие мотива, но объясняющего не само убийство, а его жестокость. Кроме того, они никак не могут сопоставить спорившие голоса с теми фактами, что наверху не оказалось никого, кроме убитой мадемуазель Л'Эспанэ, и что не было способа покинуть комнату, оставшись не замеченным поднимающейся по лестнице группой. Полный разгром комнаты, труп, засунутый вниз головой в дымоход, жуткие раны старшей из женщин – этих соображений вместе с уже упомянутыми и другими, которые мне нет нужды перечислять, хватило, чтобы парализовать силы полиции и лишить хваленой проницательности лучших правительственных агентов. Они допустили грубую, но распространенную ошибку – посчитали необычное трудным для понимания. Но ведь именно благодаря таким отклонениям от обычного разума и находит путь к истине, если это вообще происходит. В расследованиях, подобных тому, которым мы сейчас занимаемся, стоит задаться вопросом не «что случилось?», а «что случилось такого, чего не случалось никогда раньше?». В сущности, легкость, с которой я приду, вернее, уже пришел к разгадке этой тайны, прямо пропорциональна ее кажущейся неразрешимости в глазах полиции.

Я ошеломленно уставился на своего друга, от удивления не в силах вымолвить ни слова.

– Сейчас я ожидаю, – продолжил он, взглянув на дверь комнаты, – ожидаю человека, который, возможно, и не совершал этой бойни, но некоторым образом причастен к ней.

---

¹⁵ Привратническая (*фр.*).

¹⁶ Я им потакал (*фр.*).

Вероятно, в худшей части преступлений он не повинен. Надеюсь, что я прав в этом предположении, поскольку именно на нем основывается мое прочтение этой загадки. С минуты на минуту я ожидаю увидеть его здесь, в этой комнате. Правда, он может и не прийти, но, по всей вероятности, придет, и, если он явится, его нужно будет задержать. Вот pistols, и мы с вами оба знаем, как пустить их в дело, если того потребуют обстоятельства.

Я взял пистолет, с трудом понимая, что делаю, и не веря своим ушам, а Дюпен продолжил рассуждения, больше напоминающие сценический монолог. Я уже отмечал, что в такие минуты он словно бы уходил в себя. Слова его были адресованы мне, но голос, хоть и совсем не громкий, звучал так, будто он говорил для кого-то, находящегося на значительном расстоянии. Взгляд его, не выражающий никаких чувств, был обращен в стену.

– То, что спорящие голоса, – сказал он, – которые слышала поднимающаяся по лестнице группа людей, не принадлежали женщинам, полностью подтверждено показаниями. То есть вопрос, могла ли старуха сначала лишить жизни дочь, а потом совершить самоубийство, отпадает. Об этом я говорю исключительно ради того, чтобы быть методичным, поскольку мадам Л'Эспанэ не могла обладать силой достаточной для того, чтобы затолкать труп дочери в дымоход таким образом, и характер ран, обнаруженных на ее собственном теле, полностью исключает возможность самоубийства. Следовательно, убийство было совершено третьей стороной, и именно ссору участников этой третьей стороны слышали свидетели. Давайте теперь обратимся... не к общим показаниям относительно услышанных голосов, а к тому «особенному», что в них имеется. Вы заметили в них что-нибудь особенное?

Я ответил, что все свидетели единодушно утверждали, что хриплый голос принадлежал французу, но мнения о том, кому принадлежал визгливый, или, как назвал его один человек, «резкий» голос, значительно разошлись.

– Вы говорите о самих показаниях, – сказал Дюпен, – но не об их особенности. То есть ничего необычного вы не заметили. Тем не менее в них было кое-что необычное. Свидетели, как вы отметили, соглашались насчет хриплого голоса, тут вопросов нет. Но, что касается визгливого голоса, особенность заключается не в том, что показания разнятся, а в том, что итальянец, англичанин, испанец, голландец и француз, пытаясь его описать, приписывали его иностранцу. Каждый из свидетелей уверен, что этот голос не мог принадлежать его соотечественнику. Каждый из них сравнивает его со звучанием не какого-то знакомого ему иностранного языка, а наоборот, незнакомого. Француз полагает, что это голос испанца, и «разобрал бы несколько слов», если бы понимал испанский. Голландец приписывает его французу, но мы знаем, что этот свидетель «французского языка не понимает, поэтому допрашивался через переводчика». Англичанин думает, что это голос немца, хотя «немецкого языка не знает». Испанец не сомневается, что голос принадлежал англичанину, но судит исключительно по его звучанию. Итальянец считает, что это был голос русского, хотя «с русскими никогда не разговаривал». Второй француз расходится во мнении с первым и склоняется к тому, что это был голос итальянца, но «не владея этим языком», как и испанец, судит «по его звучанию». Представьте, как необычно должен был звучать этот голос, чтобы вызвать такой сумбур в показаниях! Чтобы представители пяти стран Европы не услышали в нем ничего знакомого! Возможно, вы возразите, что это мог быть голос азиата или африканца. В Париже не так уж много азиатов и африканцев, но, не отрицая напрашивающегося вывода, я просто хочу привлечь ваше внимание к трем пунктам. Один из свидетелей называет голос «скорее резким, чем визгливым». Двое других указывают на то, что голос был «быстрым и отрывистым». Никто из свидетелей не услышал ни слов, ни звуков, похожих на слова.

Мне не известно, – продолжил Дюпен, – какое впечатление производят на вас мои рассуждения, но я нисколько не сомневаюсь, что даже этой части показаний (части, в которой

говорится о хриплом и визгливом голосах) достаточно для того, чтобы сделать обоснованные выводы, которые сами по себе могут навести на подозрение, способное направить расследование этой загадки в нужное русло. Я сказал «обоснованные выводы», но это выражение не в полной степени передает смысл того, что я имел в виду. Я хотел сказать, что эти выводы – единственно верные и что подозрение возникает неизбежно как единственный результат. Впрочем, я пока умолчу о том, что это за подозрение. Я только хочу, чтобы вы помнили, что оно придало определенную форму, некую направленность моим розыскам в той комнате, где были совершены убийства.

Теперь давайте мысленно перенесемся в эту комнату. Что нас здесь интересует в первую очередь? То, каким образом убийцы ее покинули. Не будет преувеличением сказать, что ни вы, ни я не верим в сверхъестественное. Мадам и мадемуазель Л'Эспанэ были убиты не духами. Те, кто это сделали, были существами материальными и должны были уйти с места преступления согласно законам материального мира. Но как? К счастью, ответ на этот вопрос можно искать только в одном направлении. Давайте последовательно рассмотрим все способы, которыми можно было покинуть комнату. Ясно, что убийцы находились в той комнате, где было обнаружено тело мадемуазель Л'Эспанэ (или, по крайней мере, в соседней комнате), когда группа поднималась по лестнице. Следовательно, нас интересуют только эти две комнаты. Полиция сняла всю обивку с полов, потолков и стен, и если бы там был какой-нибудь тайный ход, он бы не укрылся от их внимания. Однако, не доверяя им, я сам там все осмотрел. Тайных ходов в этих комнатах действительно нет. Обе двери, ведущие из комнат в коридор, были заперты на ключ изнутри. Обратимся к дымоходам. Они имеют обычную ширину, но футах в восьми-десяти над каминами сужаются настолько, что через них не пройдет и большая кошка. Следовательно, поскольку выход через них совершенно невозможен, остаются только окна. Через окна передней комнаты, никто не мог выбраться незамеченным, поскольку на улице к тому времени уже собралась толпа и беглецов наверняка бы увидели. Значит, убийцы должны были выйти через заднюю комнату, с окнами во двор. Итак, придя к этому однозначному заключению, мы, как люди мыслящие, не должны отвергать его на том основании, что это кажется невозможным. Нам остается лишь доказать, что эта «невозможность» на самом деле мнимая.

В этой комнате два окна. Одно из них не загорожено мебелью и полностью доступно. Нижняя часть второго закрыта спинкой кровати, которая стоит к нему впритык. Первое из них было прочно закрыто изнутри. Никто из тех, кто пытался его открыть, не смог этого сделать. Как оказалось, на его раме, с левой стороны, просверлено большое отверстие, в которое вставлен толстый гвоздь, почти по самую шляпку. При осмотре второго окна было обнаружено такое же отверстие, куда был вставлен точно такой же гвоздь. Все попытки поднять раму этого окна также не увенчались успехом. Это полностью убедило полицию, что искать следы побега нужно в другом месте. Поэтому они и решили, что извлекать гвозди и открывать окна не имеет смысла.

Мой осмотр был более тщательным, и причину этого я только что указал: я знал, что то, что кажется невозможным, на самом деле таким не является.

Я стал рассуждать *a posteriori*¹⁷. Убийцы наверняка скрылись через одно из этих окон. И в этом случае они не могли закрепить раму изнутри (а ведь обе рамы были закреплены). Очевидность этого соображения пресекла дальнейшие поиски полиции в этом направлении. И все-таки обе рамы были закреплены. Значит, каким-то образом они должны закрываться автоматически. Этот вывод неизбежен. Я встал на свободный подоконник, с некоторым усилием извлек гвоздь и попытался поднять раму. Как я и ожидал, моим усилиям она не поддавалась. Я понял, что должна существовать потайная пружина. Эта догадка, по крайней мере,

---

¹⁷ На основании опыта (*лат.*).

не опровергла моих изначальных предположений, несмотря на то что еще не было ясности с гвоздями. После внимательного осмотра я нашел пружину. Когда я нажал на нее и увидел, что она сработала, раму уже можно было не поднимать.

После этого я вернулся на место гвоздь, предварительно внимательно его осмотрев. Тот, кто пролез через это окно, мог опустить за собой раму, и пружина закрыла бы ее, но гвоздь не мог сам встать на прежнее место. Вывод был очевиден, и он еще больше сужал круг моих изысканий. Убийцы бежали через второе окно. Если предположить, что потайные пружины на обоих окнах имели одинаковое устройство (что вполне вероятно), значит, разницу нужно было искать в гвоздях, или, по крайней мере, в том, как они крепились. Взобравшись на матрац, я внимательнейшим образом изучил ту часть рамы, которая находилась за спинкой кровати. Запустив туда руку, я нащупал потайную пружину и нажал. Как я и думал, она сработала точно так, как и ее соседка на другом окне. После этого я перешел к осмотру гвоздя. Он был таким же толстым, как и первый и в отверстие вставлен точно так же, почти по самую шляпку.

Наверняка вы решите, что меня это озадачило, но, если подобная мысль пришла вам в голову, значит, вы не понимаете самой сути индуктивного мышления. Если говорить языком охотников, я ни разу «не потерял след». Во всей цепочке умозаключений не было ни единого слабого звена. Я проследил загадку до ее источника, и источником этим оказался гвоздь. Выглядел он в точности так же, как гвоздь в соседнем окне, но этот факт, каким бы убедительным он ни казался, не значил ровным счетом ничего по сравнению с моей уверенностью в том, что именно в этом предмете заключался ключ к разгадке всей тайны. «Что-то с этим гвоздем не так», – сказал я сам себе, прикоснулся к нему и легко вытащил из отверстия. Под шляпкой был примерно дюйм стержня, остальная его часть, отломанная, оставалась внутри рамы. Поломан гвоздь был давно, на это указывала ржавчина на краях слома, и поломали его ударом молотка, который к тому же частично утопил шляпку в отверстие на верхней части нижней рамы. Я вернул этот обломок на прежнее место, и в таком положении он не отличался от целого гвоздя. Трещины видно не было. Нажав на пружину, я осторожно приподнял раму на несколько дюймов, шляпка гвоздя поднялась вместе с ней, оставаясь при этом на своем месте. Я закрыл окно, и снова гвоздь выглядел как целый.

Таким образом, загадка была решена. Убийца сбежал через окно над кроватью. Рама захлопнулась под собственным весом (или же была опущена намеренно), и потайная пружина защелкнулась. Ее противодействие полиция приняла за противодействие гвоздя, поэтому и посчитала дальнейшее обследование окна необязательным.

Следующий вопрос: каким образом убийцам удалось спуститься. Наша с вами прогулка вокруг здания дала мне удовлетворительный ответ. Примерно в пяти с половиной футах над интересующим нас подоконником проходит громоотвод. С него перебраться на окно, не говоря уже о том, чтобы проникнуть через него в дом, совершенно невозможно. Однако я обратил внимание на то, что на четвертом этаже на окнах установлены ставни того типа, который парижские плотники называют «*ferrades*»¹⁸. Сейчас такие ставни мало кто ставит, но на старых домах в Лионе и Бордо их можно видеть достаточно часто. Они имеют форму обычной двери (одинарной, не двустворчатой), только нижняя часть у них зарешечена или имеет сквозные отверстия наподобие шпалеры, идеально подходящие для того, чтобы за нее можно было ухватиться руками. В нашем случае эти ставни довольно широкие, три с половиной фута. Когда мы видели их, обходя дом с задней стороны, на обоих окнах они были наполовину открыты, то есть выступали из стены под прямым углом. Возможно, полицейские тоже осматривали дом с тыльной стороны, но, если и так, то, глядя на эти «*ferrades*» в поперечном разрезе (скорее всего, так и было), они не обратили внимания

---

¹⁸ Клейма (*фр.*).

на их необычную ширину, во всяком случае, не придали этому значения. Я не ошибусь, если скажу, что, придя к выводу о невозможности бегства через эти окна, ставни, естественно, внимательно осматривать они не стали. Мне же стало совершенно ясно, что ставень над кроватью, если его открыть полностью, так, чтобы он прислонился к стене, оказывался всего лишь в двух футах от громоотвода. К тому же было видно, что при наличии определенной сноровки и смелости, при таком расположении ставня с громоотвода можно проникнуть в комнату через окно. С расстояния два с половиной фута (допустим, ставень был открыт полностью) грабитель мог ухватиться за прорези в его нижней части, потом отпустить громоотвод и упереться ногами в стену, после чего оттолкнуться от нее и перелететь на ставне к окну. Если предположить, что рама окна в это время была поднята, он мог даже качнуться и влететь прямо в комнату.

Я хочу, чтобы вы обратили особенное внимание на то, что проделать такой сложный и опасный трюк можно, лишь обладая очень большой ловкостью. Пока что моя цель – доказать вам, что, во-первых, в принципе, это возможно. А во-вторых (и это главное), я хочу, чтобы вы представили себе, какое поразительное, прямо-таки сверхъестественное проворство для этого требуется.

Несомненно, вы скажете, что, выражаясь языком адвокатов, «в моих интересах» недооценить трудность подобной затеи, а не настаивать на ее сверхсложности. Для суда это, может быть, обычное дело, но для здравого разума такой подход неприемлем. Моя единственная цель – истина. Сейчас мне нужно подвести вас к тому, чтобы вы сопоставили «очень большую ловкость», о которой я только что говорил, с «очень необычным» визгливым (или резким) и «неровным» голосом, который вызывал такие разногласия в показаниях свидетелей и в звучании которого не прослеживается разбиение на слоги.

После этих слов Дюпена в голове у меня забрезжила какая-то смутная, оформившаяся лишь наполовину догадка. Я словно находился на краю понимания, но был не в силах понять все полностью. Так иногда кажется, что ты вот-вот что-то вспомнишь, но ничего не выходит. Мой друг тем временем продолжил рассказ:

– Как видите, от вопроса о выходе из здания я перешел к вопросу о входе в него. Я хотел показать, что они оба осуществлены одним и тем же способом, в одном и том же месте. Давайте вернемся к комнате. Вспомним, как она выглядела. Как говорилось в отчете, ящики комода были выдвинуты, в них явно рылись, хотя многие вещи остались нетронутыми. Но это не более чем догадка, причем довольно бестолковая. Откуда известно, что, кроме обнаруженного, в ящиках было что-то еще? Мадам Л'Эспанэ и ее дочь жили очень замкнуто, гостей не принимали, редко выходили из дома, богатый гардероб им был ни к чему. Вещи найденные в комод, были довольно приличного качества, и вряд ли бы у этих дам было что-то более дорогое. Если грабитель вообще что-то забрал, почему он не взял лучшее? Почему не взял все? Короче говоря, почему вместо того, чтобы забрать четыре тысячи золотых франков, он стал возиться с грудой тряпок? Золото ведь осталось. Почти вся сумма, названная банкиром месье Миньо, найдена в мешках на полу. Исходя из этого, я хочу, чтобы вы выбросили из головы ошибочное представление о мотиве, которое сформировалось в мозгах полицейских на основании той части свидетельских показаний, где речь идет о деньгах, доставленных к двери дома. Совпадение в десятки раз более необычные, чем это (доставленные деньги и случившееся спустя три дня убийство получателя) происходят с каждым из нас постоянно, но мы на них даже не обращаем внимания. Вообще, совпадения – это настоящий камень преткновения для того разряда мыслителей, которым неведомо понятие теории вероятностей, а ведь именно этой теории обязаны основные отрасли человеческих изысканий своими самыми яркими примерами. В нашем случае, если бы золото исчезло, факт его доставки за три дня до убийства превратился бы в нечто большее, чем совпадение. Он бы стал подтверждением такого представления о мотиве. Однако при данных обстоятель-

ствах дела, если мы предположим, что мотивом преступления было золото, нам придется признать, что злоумышленник оказался нерешительным идиотом, который попросту забыл забрать свою добычу.

Теперь, помня все те пункты, на которые я обращал ваше особое внимание (странный голос, необычайная ловкость и необъяснимое отсутствие мотива для столь зверского преступления), давайте рассмотрим, как происходили сами убийства. Женщина была задушена голыми руками, ее труп затолкали в дымоход вниз головой. Обычные убийцы так не поступают. И уж тем более не избавляются от тел своих жертв подобным образом. Вы только представьте, в каком положении труп находился в дымоходе. Я думаю, вы согласитесь, что в этом есть что-то... *outré*¹⁹... что-то, совершенно выходящее за рамки нашего представления о поступках, на которые способен человек, пусть даже самый опустившийся. Подумайте также о том, какой силой нужно обладать, чтобы так затолкать тело в дымоход, что извлечь его оттуда удалось лишь совместными усилиями нескольких человек, и то с большим трудом.

Теперь давайте обратимся к еще одному примеру использования этой поразительной силы. На каминной полке лежали несколько густых прядей человеческих волос. Их вырвали с головы. Наверняка вы знаете, какая сила требуется для того, чтобы вырвать одновременно хотя бы двадцать-тридцать волосков. Вы не хуже меня видели эти пряди. На их корнях (действительно, жуткое зрелище!) остались куски кожи – верный признак того, какую невообразимую силу нужно было приложить для того, чтобы разом вырвать, возможно, полмиллиона волосков. Горло старухи было не просто перерезано, правильнее будет сказать, что ее голова была отсечена от тела, и сделано это было обычной бритвой. Воистину бесчеловечная жестокость, вы не находите? О кровоподтеках на теле мадам Л'Эспанэ я вообще не говорю. Месье Дюма и его многоуважаемый помощник месье Этьенн решили, что их оставило какое-то тупое орудие, и эти господа совершенно правы. Этим тупым орудием была каменная кладка во дворе, на которую упало тело из окна, расположенного над кроватью. Эта идея, какой бы простой она ни казалась, не пришла в голову полицейским по той же причине, по которой они не обратили внимания на ширину ставней: когда они увидели следы ногтей, мысль о том, что окна вообще могли открываться, уже не приходила им в голову.

Если ко всему этому добавить странный беспорядок в комнате, мы сможем соединить воедино необыкновенную ловкость, нечеловеческую силу, неистовую жестокость, полное отсутствие мотива, нелепость этого жуткого происшествия, своим зверством чуждого природе человека, и нечленораздельный голос, звучание которого не знакомо людям разных национальностей. Что из этого следует? Какое впечатление произвели на вас мои рассуждения?

Когда Дюпен задал мне этот вопрос, я содрогнулся от ужаса.

– Это сотворил сумасшедший, – сказал я. – Какой-нибудь обезумевший маньяк, сбегавший из ближайшего *maison de santé*²⁰.

– В некоторой степени ваше предположение не лишено смысла. Однако голоса сумасшедших, даже во время самых сильных припадков, не звучат так, как свидетели описывают визжащий голос. Безумцы ведь тоже имеют национальность, и речь их, какими бы бессмысленными ни были их слова, всегда поддается членению на слоги. К тому же, волосы у сумасшедших не бывают похожими на те, которые я сейчас держу в руках. Я вытащил этот небольшой клочок из окоченевших пальцев мадам Л'Эспанэ. Что вы о них думаете?

– Дюпен! – ошеломленно воскликнул я. – Какие странные волосы... Но это не человеческие волосы!

---

¹⁹ Из ряда вон (*фр.*).

²⁰ Сумасшедший дом (*фр.*).

– Я и не говорил, что они принадлежат человеку, – сказал он. – Однако, прежде чем мы разберемся с этим вопросом, я хочу, чтобы вы взглянули вот на этот небольшой набросок, который я начертил на бумаге. Он в точности воспроизводит то, что в одной части показаний было названо «темными кровоподтеками и глубокими следами от ногтей» на шее мадемуазель Л’Эспанэ, а в другой (в показаниях месье Дюма и Этьенна) – «синевато-багровыми пятнами, явно следами пальцев». Как видите, – продолжил мой друг, раскладывая на столе лист бумаги, – по данному рисунку можно определить, насколько крепкой была эта ужасная хватка. Не видно, чтобы пальцы хоть где-нибудь сместились. Они – возможно, до самой смерти жертвы – оставались на тех местах, куда попали изначально. А теперь попробуйте одновременно приложить пальцы к рисунку так, чтобы они попали на изображения.

Я попытался это сделать, но у меня ничего не вышло.

– Возможно, мы действуем не совсем правильно, – сказал он. – Бумага разложена на столе, но человеческая шея имеет цилиндрическую форму. Вот полено примерно такого же обхвата. Оберните бумагу вокруг него и попробуйте еще раз.

Я сделал это, однако попасть пальцами в указанные места оказалось еще труднее.

– Этот след, – заметил я, – был оставлен не человеческой рукой.

– А теперь, – ответил Дюпен, – прочитайте вот этот отрывок из Кювье.

Это было подробное анатомическое и общее описание большого бурого орангутанга, обитающего на Ост-Индских островах. Огромное тело, неимоверная сила и поразительная ловкость, злой нрав и склонность к подражательству этого млекопитающего достаточно известны всем. В голове у меня тут же сложилась жуткая картина убийства.

– Описание его пальцев, – сказал я, дочитав до конца указанный отрывок, – полностью совпадает с вашим рисунком. Насколько я вижу, такие следы пальцев не могло оставить ни одно другое животное, кроме орангутанга данного вида. Этот клочок шерсти тоже похож на шерсть зверя, которого описывает Кювье. Но мне по-прежнему ясны не все подробности этой страшной загадки. К тому же слышали-то два голоса, и один из них бесспорно принадлежал французу.

– Верно, очевидно, вы вспомните и те слова, которые этот голос произнес. Их услышали почти все, кто был тогда в доме. Это слова «mon Dieu!». Один из свидетелей (кондитер Монтани) в тех обстоятельствах совершенно справедливо описал их, как выражение протеста или упрека. Вот эти-то два слова и дали мне надежду решить всю загадку. Француз знал, что произошло убийство. Возможно – даже очень вероятно – что он никоим образом не причастен к той кровавой вакханалии, которая разыгралась в доме на улице Морг. Орангутанг мог просто сбежать от него. Может быть, француз гнался за ним до самой квартиры мадам Л’Эспанэ, но в сложившихся обстоятельствах не смог его поймать. Впрочем, все это лишь предположения. Я не стану развивать эту версию (назвать ее чем-то другим я не могу), поскольку те призрачные соображения, на которых она основывается, не достаточно глубоки для того, чтобы мой собственный разум принял их, и я не имею права считать, что кому-то другому они покажутся более убедительными. Итак, назовем это версией и будем относиться к ней соответственно. Если наш француз, как я полагаю, в самом деле неповинен в этом зверстве, объявление, которое вчера вечером, когда мы возвращались домой, я дал в «Ле Монд» (газете, посвященной вопросам судоходства, весьма популярной среди моряков), приведет его к нам.

Он протянул мне небольшую бумажку, и я прочитал следующее:

«ПОЙМАН в Булонском лесу ранним утром ...-го числа (в день убийства) очень крупный рыжий орангутанг борнейского вида. Владелец (как установлено, моряк с мальтийского судна) может получить свою собственность обратно при условии удостоверения им своих

прав и возмещения определенных убытков, связанных с поимкой и содержанием животного. Обращаться по адресу: предместье Сен-Жермен, улица ... дом №... au troisième»²¹.

– А откуда вы знаете, – спросил я, – что этот человек – моряк, да еще с мальтийского судна?

– Я этого не знаю, – сказал Дюпон. – И совсем в этом не уверен. Но вот небольшой обрывок ленточки. Судя по форме и по тому, как она засалена, ею, скорее всего, перевязывали волосы, сплетенные в косицу, как это любят делать матросы. Кроме того, она завязана морским узлом, характерным для мальтийцев. Я подобрал эту ленточку под громоотводом. Принадлежать одной из убитых она не могла. Если даже мои выводы относительно этой ленты окажутся ошибочными и наш француз в действительности не является моряком с мальтийского судна, вреда это не принесет. Если я ошибся, он просто подумает, что меня сбили с толку те или иные обстоятельства, в которые ему не нужно вникать. Но если я прав, это дает нам в руки хороший козырь. Знающий о преступлении француз, хоть он и не виновен, наверняка задумается, прежде чем откликнуться на объявление и явиться сюда за орангутангом. Он будет размышлять следующим образом: я невиновен; я – человек небогатый; мой орангутанг стоит немало, а в моем положении это вообще целое состояние; почему я должен терять его из-за каких-то глупых опасений? Вот же он, совсем рядом, только руку протяни. Поймали его в Булонском лесу, от места преступления это довольно далеко, и кому придет в голову подозревать в убийстве это существо? Полиция в тупике, у них нет ни одной зацепки. Даже если они выйдут на животное, им не удастся доказать, что я знал об убийстве. И самое главное: обо мне знают. Тот, кто дал это объявление считает меня владельцем животного. Что ему еще известно, я не знаю. Если он знает, что хозяин орангутанга я, и если я не потребую вернуть столь ценную собственность, это может вызвать подозрение, по крайней мере, относительно животного. Мне незачем привлекать лишнее внимание к себе или к зверю. Я откликнусь на объявление, заберу орангутанга и буду держать его в надежном месте, пока шум не уляжется.

И в это мгновение с лестницы донеслись шаги.

– Держите пистолет наготове, – шепнул мне Дюпон. – Но не показывайте его и не пускайте в дело, пока я не подам знак.

Входную дверь в здание мы оставили открытой, поэтому посетитель вошел без звонка и поднялся по лестнице на несколько ступенек, но потом, похоже, засомневался – шаги пошли вниз. Дюпон метнулся к двери, но тут шаги снова стали приближаться. Больше он не колебался и шел твердо, уверенно. Потом раздался стук в дверь.

– Входите, – непринужденным жизнерадостным голосом откликнулся Дюпон.

Человек вошел. Это был моряк, высокий, крепкий, мускулистый мужчина, судя по взгляду, отчаянный малый, но не сказать, чтобы отталкивающей наружности. Сильно загорелое лицо его было наполовину скрыто бакенбардами и пышными усами. В руке он держал толстую и массивную дубовую трость, но другого оружия заметно не было. Он неуклюже поклонился и пожелал нам доброго вечера по-французски. Выговор его, хоть чем-то и смахивал на нефшательский, в целом выдавал в нем парижанина.

– Садитесь, друг мой, – сказал Дюпон. – Я полагаю, вы пришли за орангутангом. Верите ли, я почти завидую вам! Иметь такое прекрасное животное, да к тому же еще и дорогое, наверное. Как вы думаете, сколько ему лет?

Моряк глубоко вздохнул, как человек, сбросивший с себя тяжкий груз, и ответил уверенным голосом:

– Я не знаю, как это определить, но ему не больше четырех-пяти лет. Вы здесь его держите?

---

²¹ Четвертый этаж (*фр.*).

– Нет-нет, здесь у нас негде его держать, так что мы его оставили в платной конюшне на улице Дюбур, это недалеко. Вы получите его утром. Вам, конечно же, не трудно будет удостоверить свои права?

– Ясное дело, месье.

– Мне будет жаль с ним расстаться, – вздохнул Дюпен.

– О, не подумайте, что ваши труды пропадут даром, месье, – воскликнул человек. – За то, что вы нашли животное, я готов отблагодарить вас... В разумных пределах.

– Что ж, – ответил мой друг, – это справедливо. Надо подумать... Что бы попросить? О, знаю! В качестве благодарности вы мне расскажете все, что вам известно об убийствах на улице Морг.

Последние слова Дюпен произнес очень тихо и спокойно. Точно так же спокойно он подошел к двери, запер ее и опустил ключ в карман. После этого достал из внутреннего кармана пистолет и с совершенно невозмутимым видом положил его перед собой на стол.

Лицо моряка вспыхнуло, словно в приступе лихорадки. Он вскочил, схватился за трость, но тут же снова опустился на стул, задрожал всем телом и стал бледен как сама смерть. Он молчал, и мне даже стало искренне жаль его.

– Друг мой, – проникновенно произнес Дюпен, – вы тревожитесь совершенно напрасно, поверьте! Мы вовсе не хотим причинить вам зла. Я даю вам слово человека чести и француза, что вам ничего не грозит. Мне прекрасно известно, что вы не виновны в том, что произошло на улице Морг, хотя отрицать, что вы имеете к этому определенное отношение, нет смысла. Я думаю, вы уже поняли, что у меня есть некоторые источники информации касательно этого дела... Такие источники, которых вы даже представить себе не можете. Итак, дело обстоит следующим образом. Вы не сделали ничего такого, в чем могли бы себя упрекнуть... По крайней мере, ничего преступного. Вы даже ничего не взяли из той квартиры, хотя могли это сделать безнаказанно. Вам нечего скрывать. С другой стороны, законы чести обязывают вас рассказать все, что вам известно, поскольку сейчас в тюрьме сидит невинный человек, которого обвиняют в преступлении, которого он не совершал, и именно вы можете указать истинного преступника.

Пока Дюпен говорил, моряк успел в значительной степени прийти в себя, но от его прежней самоуверенности не осталось и следа.

– Что ж, так и быть, – немного помолчав, промолвил он. – Я выложу вам все начистоту, и да поможет мне Бог... Да только вряд ли вы поверите хотя бы половине из того, что я расскажу... Не такой я дурак, чтобы на это надеяться. И все-таки я невиновен, поэтому расскажу все, что знаю, чем бы это мне ни грозило.

Рассказ его сводился к следующему. Не так давно он побывал на Индонезийском архипелаге. С компанией моряков высадился на Борнео и отправился на прогулку в глубь острова. Там он с одним товарищем и поймал орангутанга. Товарищ вскоре умер, поэтому он стал единственным хозяином животного. С огромными трудностями, вызванными крайне беспокойным характером и свирепостью своего пленника, ему все же удалось привезти обезьяну в Париж и поселить у себя дома, где, не желая привлекать к себе внимание любопытных соседей, он держал ее в тайне, дожидаясь, когда у нее заживет нога, в которую на корабле попала заноза. Животное он собирался продать.

Вернувшись ночью, а вернее утром в день убийства, домой после какой-то матросской пирушки, он увидел орангутанга у себя в спальне, куда тот вломился, выбравшись из соседнего чулана, где до сих пор был (как предполагалось) надежно заперт. С бритвой в руке и намыленной мордой, он сидел перед зеркалом и пытался бриться. Наверняка обезьяна повторяла движения хозяина, за которым подсмотрела через замочную скважину. Придя в ужас от вида такого опасного орудия в руках столь свирепого существа, которое к тому же достаточно разумно, чтобы пустить его в ход, моряк на какое-то время замер в нерешитель-

ности. Раньше ему всегда удавалось усмирять животное, даже когда у того случались самые сильные приступы бешенства, при помощи хлыста. За него он взялся и на этот раз. Увидев это, орангутанг в ту же секунду выскочил за дверь комнаты, скатился по лестнице вниз и оттуда через окно, которое, к несчастью, оказалось открытым, выпрыгнул на улицу.

Француз в отчаянии бросился за ним. Обезьяна, по-прежнему держа в руке бритву, отбегала на какое-то расстояние, останавливалась, размахивая руками и гримасничая, дожидаясь, пока преследователь оказывался совсем рядом, после чего отбегала дальше и снова останавливалась. Погоня эта продолжалась довольно долго. В три часа утра улицы, естественно, были безлюдны. На одном из переулков рядом с улицей Морг внимание беглеца привлек свет в открытом окне комнаты мадам Л'Эспанэ на пятом этаже ее дома. Бросившись к зданию, он схватился за громоотвод, необычайно проворно вскарабкался по нему наверх, взялся за ставень, полностью открытый и прислоненный к стене, и, повиснув на нем, влетел в окно напрямиком к спинке кровати. Весь трюк занял не больше минуты. Устремившись в комнату, орангутанг оттолкнул ставень, и тот встал на свое прошлое место.

Моряка это обрадовало и одновременно смутило. Теперь у него появилась надежда наконец поймать зверя, поскольку единственным выходом из этой ловушки для него оставался все тот же громоотвод, на котором его можно было перехватить внизу. Но с другой стороны, никто не знал, чем он решит заняться в доме, и это не могло не беспокоить. Эти сообщения заставили человека пуститься следом за беглецом. Вскарabкаться по громоотводу не так уж сложно, тем более для моряка, однако, когда он поднялся на уровень окна, которое было слева от него, ему пришлось остановиться. Теперь большее, что он мог сделать, это немного податься вперед и рассмотреть часть комнаты. Сделав это, от ужаса увиденного он чуть не разжал руки и не упал на землю. Именно в этот миг и начались истошные вопли, который разбудили обитателей улицы Морг. Мадам Л'Эспанэ с дочерью, обе в ночных сорочках, очевидно, были заняты тем, что складывали какие-то бумаги в упоминавшийся выше железный сейф, который выкатили на середину комнаты. Он был открыт, и содержимое его лежало рядом на полу. Жертвы, должно быть, сидели спиной к окну, и, судя по тому, что крики начались не сразу после того, как зверь проник в комнату, вторжение это было сначала не замечено. Звук ударившегося о стену ставня, естественно, приписали порыву ветра.

Когда моряк заглянул в окно, огромное животное держало мадам Л'Эспанэ за волосы (распущенные, потому что она в это время причесывалась) и движениями бровей водила у нее перед лицом бритвой. Дочь лежала на полу не шевелясь – она была без чувств. Крики старухи и ее попытки вырваться (во время которых и были сорваны с головы волосы), очевидно, изменили первоначально миролюбивое настроение орангутанга и разозлили его. Одним резким взмахом мускулистой руки он чуть не отсек голову женщины от тела. Вид крови превратил недовольство в безумную ярость. Скрежеща зубами и дико сверкая глазами, он набросился на тело девушки и, впившись страшными когтями ей в горло, сжимал его до тех пор, пока несчастная не умерла. Мечущийся взгляд животного в этот миг упал на изголовье кровати, за которым в окне застыло окаменевшее от ужаса лицо его хозяина. Неистовство животного, которое, несомненно, вспомнило хлыст, тут же сменилось страхом. Понимая, что заслуживает наказания, орангутанг, похоже, решил скрыть свидетельства своего кровавого проступка. Он стал взволнованно метаться по комнате, опрокидывая и ломая мебель, стащил с кровати матрац и, в довершение, схватил сначала труп дочери и запихнул его в дымоход, где тот впоследствии был обнаружен, а потом сгреб тело старухи и выбросил его в окно головой вперед.

Когда обезьяна приблизилась к окну с изувеченным телом, ошеломленный моряк отпрянул и не спустился, а скорее съехал вниз по громоотводу, после чего со всех ног бросился домой, с ужасом думая лишь о последствиях этой бойни и позабыв всякое волнение

о судьбе своего питомца. «Разговор», услышанный на лестнице поднимающейся группой, был испуганным восклицанием француза и визгом разъяренного животного.

Мне почти нечего добавить. Орангутанг, скорее всего, выбрался из комнаты и спустился вниз по громоотводу за считанные секунды до того, как была взломана дверь. Оконная рама захлопнулась случайно, когда он пролезал через окно. Спустя некоторое время хозяин сам поймал его и продал Зоологическому саду, выручив большую сумму. Ле Бона освободили, как только мы изложили истинную суть дела (с некоторыми замечаниями Дюпена) в конторе префекта полиции. Однако этот чиновник, хоть и настроенный вполне благожелательно к Дюпену, не смог скрыть некоторого недовольства тем, как все обернулось, и не удержался от пары язвительных замечаний, смысл которых сводился к тому, что каждый должен заниматься своим делом.

– Пусть говорит, что хочет, – сказал мне позже Дюпен, оставивший слова полицейского без ответа. – Он может ворчать, сколько его душе угодно, ну а мне достаточно того, что я побил противника на его же территории. Впрочем, то, что он не смог разгадать эту загадку, вовсе не так удивительно, как ему кажется, поскольку наш друг префект, честно говоря, слишком хитер, чтобы мыслить глубоко. Мудрость его лишена «стержня». Это как бы одна голова без тела, как изображают богиню Лаверну... В лучшем случае, голова и плечи, как у трески. И все же он – славный малый. Особенно я уважаю его за то, с каким мастерством он выставляет себя умником. Я имею в виду то, как он «*de nier ce qui est, et d'expliquer ce qui n'est pas*»²².

---

²² «Отрицает то, что есть, и растолковывает то, чего не существует». (Ж.-Ж. Руссо. «Новая Элоиза», второе предисловие.)

Тайна Мари Роже

Примечание автора

При первой публикации «Мари Роже» данные примечания показались излишними и напечатаны не были, однако спустя несколько лет после трагедии, которая легла в основу этого рассказа, было сочтено целесообразным все же дать их и добавить несколько слов, объясняющих общий замысел. Молодая девушка, Мэри Сесилия Роджерс, была убита в предместье Нью-Йорка, и, хоть смерть ее вызвала сильное и продолжительное волнение, тайна, окружающая ее, оставалась не разгаданной до того времени, когда этот рассказ был написан и вышел из печати (ноябрь 1842). На этих страницах, якобы рассказывая о судьбе некой молодой парижанки, автор в малейших подробностях воспроизвел главные обстоятельства этого преступления, но при этом в менее существенных подробностях настоящего убийства Мэри Роджерс ограничился лишь параллелями. Таким образом, все размышления, основанные на авторском тексте, применимы к действительности, ибо целью написания этого рассказа была попытка установить истину. Рассказ «Тайна Мари Роже» был написан вдали от того места, где все случилось на самом деле, и на основании исключительно тех материалов, которые можно было почерпнуть из газет. В связи с этим, от внимания автора ускользнуло многое из того, что могло бы помочь ему в работе, если бы он побывал на месте преступления и в его окрестностях. Однако не будет лишним заметить, что признания двух лиц (одно из них в рассказе носит имя мадам Делюк), сделанные в разное время, задолго до публикации, подтвердили в полной мере не только общие заключения, но и все без исключения главные умозрительные догадки, на основании которых данные выводы и были сделаны.

Es giebt eine Reihe idealischer Begebenheiten, die der Wirklichkeit parallel läuft. Selten fallen sie zusammen. Menschen und Zufälle modifizieren gewöhnlich die idealische Begebenheit, so dass sie unvollkommen erscheint, und ihre Folgen gleichfalls unvollkommen sind. So bei der Reformation; statt des Protestantismus kam das Lutherthum hervor.

Существуют идеальные последовательности событий, которые сосуществуют параллельно с реальными. Совпадают они редко. Люди и обстоятельства в основном влияют на идеальные сочетания событий, из-за чего те перестают быть совершенными так же, как утрачивают совершенство их последствия. Так произошло и с Реформацией, когда вместо протестантизма на сцену вышло лютеранство.

*Новалис*²³. *Moralische Ansichten*²⁴

Есть не так уж много людей, даже среди спокойнейших мыслителей, которые время от времени не испытывают нечто вроде полусознанного влечения к малопонятному и в то же время захватывающему миру сверхъестественного, вызванного совпадениями такого казалось бы поразительного характера, что разум просто отказывается воспринимать их как простые совпадения. Подобные чувства (поскольку то «полусознанное влечение», о котором я говорю, никогда не принимает форму полноценной мысли) лишь изредка удается целиком подавить, для этого приходится обращаться к доктрине случайности или к исчис-

---

²³ Псевдоним фон Гарденберга. (Примеч. авт.)

²⁴ Нравственные воззрения (нем.).

лению вероятностей, как она точно именуется. Исчисление это по сути своей является чисто математическим действием, и в данном случае мы видим пример того, как самая холодная и точная из наук применяется к плоскости всего самого эфемерного и призрачного, что есть в мысленных построениях.

Те невероятные подробности, которые я призван сделать достоянием гласности, в хронологическом отношении составляют ветвь первого порядка в серии труднообъяснимых совпадений, тогда как ветвь второго порядка, или конечную ветвь, читатель без труда соотнесет с убийством Мэри Сесилии Роджерс, совершенным недавно в Нью-Йорке.

Когда около года назад в статье, посвященной убийствам на улице Морг, я попытался охарактеризовать некоторые из выдающихся умственных особенностей своего друга шевалье Ш. Огюста Дюпена, у меня и в мыслях не было, что мне когда-нибудь снова придется вернуться к этой теме. Изображение его характера полностью соответствовало моему замыслу, а замысел этот в полной мере воплотился в жизнь благодаря череде безумных событий, которые послужили благодатной почвой для проявления отличительных особенностей Дюпена. Я мог бы привести и другие примеры, но посчитал, что это не имеет смысла, так как ничего нового я бы не доказал. Однако недавние события и их поразительное развитие заставили меня окунуться в подробности, которые могут показаться чем-то вроде вымученного признания. Если я рассказал о том, что слышал и видел так давно, было бы поистине странно, если бы я не вспомнил о том, что услышал совсем недавно.

Покончив с делом, связанным с трагической гибелью мадам Л'Эспанэ и ее дочери, шевалье тут же выбросил его из головы и снова впал в привычное для себя состояние меланхолии. Имея от природы склонность к рассеянной задумчивости, я с готовностью поддался его настроению, и мы, продолжая занимать квартиру в Сен-Жерменском предместье, оставили мысли о Будущем и погрузились в умиротворенную дрему, которую Настоящее наполняло безынтересными снами, сотканными из событий, происходящих в живущем вокруг нас своей скучной жизнью мире.

Впрочем, нельзя сказать, что дремота эта была непрерывной. Можно смело предположить, что та роль, которую мой друг сыграл в расследовании трагических событий на улице Морг, произвела большое впечатление на парижскую полицию. Благодаря ее стараниям, имя Дюпен теперь было известно буквально каждому. О том, насколько просты были умозаключения, которые привели его к разгадке тайны, кроме меня, он не рассказал никому, даже префекту, поэтому нет ничего удивительного в том, что все это дело было воспринято почти как чудо, и аналитические способности шевалье принесли ему славу человека, наделенного феноменальной интуицией. Его откровенность могла бы рассеять эти заблуждения, но ему было просто лень вновь касаться темы, к которой он давно утратил интерес. Случилось так, что он оказался в центре внимания официальных властей, и нередко его просили оказать помощь префектуре. Один из самых примечательных примеров – убийство молодой девушки по имени Мари Роже.

Это произошло спустя примерно два года после кровавых событий на улице Морг. Мари (имя и фамилия которой так похожи на имя и фамилию несчастной продавщицы из табачного магазина) была единственной дочерью вдовы Эстеллы Роже. Отец ее умер, когда она была еще совсем маленькой, и с тех пор Мари с матерью почти все время до убийства, которое является главной темой этого повествования, жили вместе на улице Паве-Сент-Андре²⁵. Впервые расстались они за полтора года до трагедии. Мадам держала пансион, а Мари ей помогала, и все шло хорошо, пока девушка, когда ей пошел двадцать второй год, своей необычайной красотой не привлекла к себе внимание некоего парфюмера, арендо-

---

²⁵ Нассау-стрит. (Здесь и далее автор дает в сносках реальные имена и названия, связанные с убийством Мэри Сесилии Роджерс.)

вавшего в цокольном этаже Пале-Рояль магазинчик, покупателями которого были в основном отчаянные искатели легкой наживы – многочисленные обитатели того района. Месье Ле Блан²⁶ догадывался, какую выгоду может принести ему присутствие в его парфюмерном магазине прекрасной Мари. Его щедрые предложения девушкой были восприняты весьма охотно, хотя мать проявила некоторое колебание.

В конце концов ожидания парфюмера оправдались, и в скором времени его магазинчик озаарило присутствие очаровательной и жизнерадостной гризетки. Примерно через год работы поклонники девушки были озадачены ее неожиданным исчезновением из магазина. Месье Ле Блан не мог объяснить ее отсутствия, и обеспокоенную мадам Роже охватил ужас. Дешевые газеты тут же подхватили эту тему, и полиция уже собиралась начать серьезное расследование, когда в одно прекрасное утро, спустя неделю, Мари в добром здравии, хотя и в несколько расстроенных чувствах, вновь появилась на своем рабочем месте за прилавком парфюмерного магазина. Все официальные поиски были, разумеется, тут же прекращены. Месье Ле Блан как и раньше утверждал, что ему ничего не известно, а сама Мари, как и мадам, на все вопросы отвечала, что прошлую неделю провела в деревне у родственников. Постепенно волнение улеглось, и об этом деле забыли. Девушка, которую явно тяготило повышенное внимание к своей персоне, в скором времени распрощалась с хозяином парфюмерной лавки и возвратилась в дом матери на улице Паве-Сент-Андре.

После этого происшествия прошло примерно пять месяцев, когда друзей девушки взволновало ее новое неожиданное исчезновение. Минуло три дня, но о ней ничего не было слышно. На четвертый день ее труп выловили в Сене²⁷ у берега, противоположного тому, на котором расположена улица Паве-Сент-Андре, невдалеке от пустынных окрестностей заставы дю Руль²⁸.

Жестокость убийства (а то, что это убийство, стало понятно сразу), молодость и красота жертвы и, что самое главное, связанная с ней ее прежняя загадочная неизвестность необычайно обеспокоили чувствительных парижан. Мне не приходит на ум какой-либо другой подобный случай, который произвел бы такое же всеобщее и сильное впечатление. На несколько недель, пока обсуждалось это страшное происшествие, были забыты даже самые важные и насущные политические вопросы. Префект предпринял необычайные меры для раскрытия этого преступления, была поставлена на ноги вся парижская полиция.

После того как нашли труп, никто не сомневался, что убийце не удастся долго скрываться от организованного по горячим следам следствия. Лишь спустя неделю было принято решение назначить вознаграждение за помощь в его поимке, но даже тогда сумма этого вознаграждения составила лишь тысячу франков. Тем временем расследование шло полным ходом, если не всегда со здоровой рассудительностью, то с необыкновенной энергией. Было опрошено множество людей, но безрезультатно. Полное и постоянное отсутствие каких бы то ни было ключей к разгадке этой тайны послужило причиной того, что всеобщее возбуждение значительно усилилось. Вечером на десятый день решили, что будет целесообразно удвоить сумму вознаграждения, предложенную изначально. В конце концов, когда миновала еще неделя, и дело дошло до серьезных уличных émeute²⁹, в которых вылилось издавна существующее в Париже предубеждение против полиции, префект от своего имени предложил двадцать тысяч франков «за поимку убийцы» или, если окажется, что к этому делу причастно несколько человек, «за поимку любого из убийц». В объявлении сообщалось об этом вознаграждении и также было обещано помилование любому из соучастников преступления,

---

²⁶ Андерсон. (Примеч. авт.)

²⁷ В Гудзоне. (Примеч. авт.)

²⁸ Уихоукен. (Примеч. авт.)

²⁹ Беспорядки (фр.).

который сообщит об истинном убийце. В довершение всего, везде, где появлялось это сообщение, к нему добавлялась листовка от комитета горожан, обещавшая десять тысяч франков вдобавок к сумме, назначенной префектурой. Таким образом, в целом вознаграждение составило не меньше тридцати тысяч франков, сумма невероятная, если принять во внимание скромное положение девушки и тот факт, что в больших городах преступления, подобные описанному, случаются довольно часто.

Теперь уже никто не сомневался, что тайна этого убийства скоро будет раскрыта. Однако, несмотря на несколько арестов, которые, казалось, должны были пролить свет на эту загадку, ничего, что указывало бы на виновность подозреваемых, так и не выявили, поэтому их пришлось отпустить.

Это покажется странным, но миновала третья неделя с того дня, когда обнаружили тело, очередная неделя, не принеся никаких результатов, когда слухи об этом деле, взбудоражившем весь город, дошли до нас с Дюпеном. Занятые исследованиями, целиком занимавшими наше внимание, ни он, ни я почти месяц не выходили из дому, не принимали гостей и не вчитывались в передовицы ежедневных газет. Об убийстве впервые мы услышали от Г., который заглянул к нам днем тринадцатого июля 18... и пробыл у нас до поздней ночи. Он был очень уязвлен тем, что все его попытки разыскать убийц ни к чему не привели. На карту поставлена его репутация, по-парижски запальчиво восклицал он. Затронута даже его честь. На него смотрит весь город, и он готов пойти на любые жертвы, чтобы сдвинуть с мертвой точки это дело. Свою несколько комическую речь он завершил комплиментом в адрес того, что назвал «тактом» Дюпена, после чего сделал ему прямое и, несомненно, очень щедрое предложение, характер которого я раскрывать не вправе и которое не имеет непосредственного отношения к предмету данного повествования.

Комплимент мой друг вежливо отклонил, но предложение принял без колебаний, хотя те выгоды, которые оно сулило, были лишь условными. Когда этот вопрос был улажен, префект сразу же пустился в объяснения своего видения этого дела, перемежая их длинными рассказами об имеющихся уликах, о которых мы пока что ничего не знали. Сонная ночь кое-как доплелась до утра, а он все ораторствовал, хотя, вне всякого сомнения, по делу; я время от времени отваживался на кое-какие замечания или предложения, Дюпен же все это время просидел неподвижно в своем любимом кресле – воплощение почтительного внимания. Когда префект приступил к рассказу, он нацепил очки, и, случайно заглянув за их зеленые стекла, я убедился, что семь или восемь часов, непосредственно предшествовавших уходу нашего гостя, он преспокойно спал.

Утром я сходил в префектуру и раздобыл полный свод имеющихся показаний, кроме того, прошелся по редакциям нескольких газет и взял копии всех выпусков, с первого до последнего дня, в которых сообщались хоть какие-то существенные сведения, относящиеся к этому печальному происшествию. Если выбросить все, что не нашло подтверждения, информация эта сводилась к следующему.

Мари Роже покинула дом матери на улице Паве-Сент-Андре около девяти утра в воскресенье двадцать второго июня 18... года. Выходя, она сообщила некоему месье Жаку Сент-Эсташу³⁰ (больше ни с кем она не разговаривала), что собирается провести день с тетей, жившей на улице де Дром. Де Дром – это короткая и узкая улочка, расположенная неподалеку от набережной, и от пансиона мадам Роже самый близкий путь до нее составляет примерно две мили. Сент-Эсташ считался официальным женихом Мари, проживал и столовался в пансионе ее матери. На закате он должен был сходить за невестой, чтобы проводить ее домой. Однако днем пошел сильный дождь, поэтому, подумав, что она останется у тети на ночь (как в подобных обстоятельствах она поступала раньше), он позволил себе нарушить

---

³⁰ Пейну. (Примеч. авт.)

свое обещание. Ближе к ночи слышали, как мадам Роже (немогущая старуха семидесяти лет) высказала опасение, что «никогда больше не увидит Мари», но ее словам тогда не придали значения.

В понедельник точно установили, что девушка на улице де Дром так и не появлялась, и после того как в течение дня не поступило никаких известий, в некоторых местах города и окрестностей наконец начались поиски. Однако лишь на четвертый день после исчезновения девушки о ней стало известно что-то определенное. В этот день (среда, двадцать пятое июня) некий месье Бове³¹, который с другом разыскивал Мари недалеко от заставы дю Руль на противоположном улице Паве-Сент-Андре берегу Сены, узнал, что рыбаки только что привезли на берег выловленный в реке труп. Увидев тело, Бове после некоторых колебаний опознал девушку из парфюмерного магазина. Его товарищ опознал ее почти сразу.

Лицо ее было темно-красным от прилившей крови, некоторое количество крови вытекло из горла. Пена, которая обычно выступает, если человек тонет, отсутствовала. Изменений в цвете клеточной ткани не было. На шее были заметны кровоподтеки и следы пальцев. Согнутые в локтях и прижатые к груди руки окоченели. Правая ладонь была сжата в кулак, левая – немного приоткрыта. На левом запястье виднелись две круговых ссадины, очевидно, след от веревок или одной веревки, обмотанной вокруг руки два раза. Часть правого запястья тоже была сильно расцарапана, так же как спина, по всей длине, но заметнее всего у лопаток. Чтобы вытащить тело на берег, рыбаки обвязали его веревкой, но от нее следов не осталось. Горло жертвы было сильно раздуто. Видимые колото-резаные раны или кровоподтеки, которые могли бы остаться от ударов, на теле отсутствовали. Кусок тонкого шнура был завязан вокруг шеи так сильно, что полностью скрылся в складках плоти. Узел находился прямо под левым ухом. Одного этого хватило бы, чтобы вызвать летальный исход. Медицинское освидетельствование полностью подтвердило целомудрие девушки. В отчете говорилось, что она стала жертвой грубого насилия. Когда труп обнаружили, состояние, в котором он находился, позволило друзьям убитой опознать ее без трупа.

Вся одежда была сильно изодрана и растрепана. Из подола платья от нижнего края до пояса была выдрана полоса примерно в фут шириной; но не оторвана, а трижды обернута одним концом вокруг талии и закреплена на спине довольно необычным узлом. Под платьем была тонкая муслиновая юбка. Из нее очень ровно и аккуратно была вырвана лента шириной восемнадцать дюймов. Эта полоса муслина была свободно наброшена на шею и накрепко связана концами. Поверх этой полосы и обрывка шнура были завязаны ленты шляпки, однако не бантом, как это обычно делают женщины, а скользящим морским узлом.

После опознания тело не отправили как обычно в морг (эту формальность сочли излишней), а поспешно предали земле недалеко от того места, где его извлекли из воды. Благодаря стараниям Бове дело замяли, и прошло несколько дней, прежде чем последовала какая-то реакция общественности. Все же одна еженедельная газета³² в конце концов сообщила об этом, после чего труп эксгумировали, подвергли повторному обследованию, которое лишь подтвердило уже известные факты и не дало ничего нового. Одежду покойной передали ее матери и знакомым, которые подтвердили, что это платье Мари Роже и именно в нем в тот день она вышла из дома.

Тем временем волнение в городе росло не по дням, а по часам. Были арестованы, но впоследствии отпущены несколько человек. Главное подозрение пало на Сент-Эсташа. Сначала он не смог четко рассказать, где находился в воскресенье, когда Мари покинула дом, но впоследствии предоставил месье Г. письменные показания, в которых описал, как провел тот день, час за часом. Его рассказ подтвердился. Время шло, но дело не двигалось

---

³¹ Кроммелин. (Примеч. авт.)

³² Нью-йоркская «Меркюри». (Примеч. авт.)

с места, по городу поползли самые разнообразные и часто противоречивые слухи. Журналисты не знали покоя, выдвигая все новые и новые версии. Из них больше всего шума наделало предположение о том, что Мари Роже была жива и труп, найденный в Сене, принадлежал какой-то другой несчастной. Думаю, будет нелишним привести несколько отрывков, в которых высказывается упомянутое предположение. Эти строки – точный перевод из «Этуаль»³³, газеты достаточно солидной.

«Мадемуазель Роже покинула материнский дом в воскресенье утром, двадцать второго июня 18... года, сказав, что хочет повидать тетюшку или кого-то из родственников на улице де Дром. С того времени, насколько известно, ее никто не видел. Она словно сквозь землю провалилась... Пока еще не удалось разыскать ни одного человека, который бы видел ее в тот день после того, как она вышла из дома... Хотя мы и не знаем наверняка, была ли Мари Роже все еще на этом свете после девяти часов в воскресенье двадцать второго июня, точно известно, что до этого времени она была жива. В среду в полдень рядом с заставой дю Руль было обнаружено плавающее в воде женское тело. Даже если предположить, что Мари Роже бросили в реку в течение первых трех часов после того, как она вышла из дома матери, это составляет всего лишь трое суток, трое суток с точностью до часа! Однако было бы глупо предполагать, что убийство – если ее действительно убили – совершено настолько быстро, что убийцы успели бросить тело в реку до полуночи. Люди, совершающие подобные злодеяния, предпочитают ночную тьму дневному свету... Таким образом становится понятно, что, если тело, обнаруженное в реке, действительно принадлежит Мари Роже, оно могло пробыть в воде не более двух с половиной суток, самое большее – трех. Известно, что утопленнику либо трупу, брошенному в воду сразу после убийства, требуется провести под водой от шести до десяти дней, чтобы разложиться до той степени, которая позволит ему всплыть на поверхность. Даже когда над телом, пролежавшим на дне меньше пяти-шести дней, стреляют из пушки и труп всплывает на поверхность, в скором времени, если его не подобрать, он снова погружается под воду. А теперь мы хотим спросить, что есть в этом случае такого особенного, из-за чего были нарушены обычные законы природы? ... Если тело в подобном изувеченном виде до ночи со вторника на среду пролежало на берегу, там должны были остаться какие-то следы убийц. К тому же весьма сомнительно, чтобы труп всплыл так быстро, даже если его бросили в воду спустя два дня после смерти. И более того, очень маловероятно, чтобы те нелюди, которые совершили это убийство, бросили тело своей жертвы в воду, не привязав к нему какой-либо груз, если принять эту меру предосторожности не составляло никакого труда».

После этого автор доказывает, что тело пробыло в воде «не три дня, а, по меньшей мере, в пять раз дольше», поскольку оно успело до такой степени разложиться, что Бове опознал его с большим трудом. Впрочем, этот довод был полностью опровергнут. Продолжаю перевод:

«Исходя из каких фактов месье Бове говорит, что тело, которое он осматривал, вне всякого сомнения, принадлежало Мари Роже? Он разорвал рукав платья и теперь заявляет, что увидел какие-то особые приметы, которые показались ему достаточно убедительными. Публике, разумеется, представляется, что он имел в виду какие-нибудь шрамы или что-то в этом роде, но на самом деле, он просто потерял руку и увидел на ней волоски. Нам трудно представить приметку более неопределенную. С таким же успехом можно делать выводы на том основании, что в рукаве вообще обнаружилась рука. В среду вечером месье Бове в пансион мадам Роже не вернулся, но в семь часов вечера от его имени ей передали, что работа по опознанию тела ее дочери продолжается. Даже если мы предположим, что мадам Роже из-за преклонного возраста и горя не смогла бы отправиться на то место

---

³³ Нью-йоркская «Бразер Джонатан», редактор – Х. Хастингс Уэлд, эсквайр. (Примеч. авт.)

(впрочем, предположение это не кажется таким уж убедительным), должен был найтись хоть кто-нибудь, кто решил бы, что все же стоит туда отправиться и присутствовать при опознании, если они думали, что найденное тело действительно может принадлежать Мари. Но никто туда не поспешил. Даже сами обитатели пансиона на улице Паве-Сент-Андре не слышали, чтобы мадам Роже хотя бы словом обмолвилась об этом новом повороте событий. Месье Сент-Эташ, поклонник и будущий муж Мари, снимавший квартиру в доме ее матери, показывает, что услышал о том, что тело его невесты обнаружилось только утром следующего дня, когда к нему зашел месье Бове и рассказал об этом. Нам кажется невероятным, что подобная новость была встречена так спокойно».

Таким образом, газета пыталась создать впечатление проявленного родственниками Мари безразличия, которое не сочетается с предположением о том, что они поверили, будто это был действительно ее труп. Дальнейшие инсинуации сводились к следующему: Мари, заручившись поддержкой друзей, уехала из города по причинам, включающим, кроме всего прочего, и сомнения в ее целомудрии; друзья эти, когда в Сене обнаружился труп, имеющий некоторое с ней сходство, попытались убедить прессу и публику, что она умерла. Но и тут «Этуаль» поспешила с выводами. Было совершенно точно доказано, что того безразличия, о котором говорилось в статье, не существовало; что старуха была так слаба и взволнованна, что просто не могла выйти из дома; что Сент-Эташ не то что воспринял новости спокойно, а просто был сражен горем до такой степени, что месье Бове пришлось попросить друзей и родственников присмотреть за ним и не дать ему присутствовать на повторном опознании тела при эксгумации. Более того, «Этуаль» утверждала, что тело повторно захоронено за общественный счет, что семья отказалась даже от предложения украсить могилу скульптурой и что никто из родственников не присутствовал на похоронах. Повторю снова: все это – не более чем домыслы газеты, которые понадобились, чтобы усилить то впечатление, которое она хотела произвести, тогда как в действительности все они были опровергнуты. В следующем номере газеты была сделана попытка бросить тень сомнения на самого Бове. Автор пишет:

«В деле наметились изменения. Как нам стало известно, пока мадам Б. находилась в доме мадам Роже, месье Бове, который собирался уходить, сказал ей, что к ним должен был зайти жандарм, и предупредил ее, чтобы она, мадам Б., ничего не рассказывала этому жандарму до его возвращения, поскольку он сам собирался с ним говорить... При данном состоянии дел создается впечатление, что месье Бове контролирует ход всего дела. Нельзя сделать и шагу, чтобы не наткнуться на месье Бове, в какую бы сторону вы ни направили поиски, вы неизменно выходите на него. ...По какой-то причине он не хочет, чтобы кто-то кроме него принимал участие в расследовании, и оттеснил на второй план всех родственников мужского пола, судя по их словам, самым грубым образом. Похоже, он изо всех сил добивается, чтобы никто из родных убитой не увидел тела».

Для подтверждения того, что подозрения относительно Бове обоснованны, был приведен следующий факт: за несколько дней до исчезновения девушки в контору Бове зашел посетитель, который хозяина на месте не застал, зато увидел торчащую в замочной скважине двери розу и заметил имя «Мари», написанное на висящей рядом грифельной доске.

Если обобщить все те разрозненные факты, которые можно почерпнуть из остальных газет, складывается впечатление, что Мари стала жертвой банды головорезов, которые переправили ее на другой берег реки, где надругались над ней и убили. Однако «Коммерсьель»³⁴, очень влиятельное издание, упорно оспаривала это распространенное мнение. Вот выдержка из этой газеты:

---

³⁴ Нью-йоркский «Джорнел ов коммерс». (Примеч. авт.)

«Мы убеждены, что до настоящего времени поиски, которые вывели следствие на заставу дю Руль, идут по ложному следу. Невозможно, чтобы кто-либо настолько известный, как эта молодая женщина, прошел три квартала, совершенно никем не замеченный. Любой, кто увидел бы ее, наверняка запомнил бы это, поскольку у всех, кто ее знал, она вызывала интерес. Из дома она вышла, когда на улице уже было полно людей... Если бы она дошла до заставы дю Руль или до улицы де Дром, ее непременно увидели и узнали бы десятки людей. Однако пока еще не найден ни один человек, который в тот день видел ее вне стен материнского дома, и ничто, кроме той части показаний, где говорится о высказанных ею намерениях, не указывает на то, что она вообще выходила из дома. Из подола ее платья вырвали кусок, который обмотали вокруг талии и завязали. Это могло послужить своего рода ручкой, за которую тело несли наподобие узла. Если убийство совершено на заставе дю Руль, подобные ухищрения не понадобились бы. То, что тело найдено плавающим в воде рядом с этим местом, не доказывает, что оно брошено в реку именно там. ...Лоскут (два фута в длину, один фут в ширину), вырванный из юбки несчастной девушки, был завязан вокруг ее шеи и закреплен узлом под затылком, вероятно, чтобы заглушить крики. Это было сделано людьми, у которых не водятся носовых платков».

Однако за день или два до того, как префект обратился к нам, у полиции появилась важная информация, которая опровергала, по крайней мере, большую часть аргументов «Коммерсьель». Два мальчика, сыновья мадам Делюк, гуляя в роще рядом с заставой дю Руль, случайно набрали на густые заросли, где увидели три-четыре больших камня, лежащих друг на друге в некоем подобии сиденья со спинкой и подставкой для ног. На верхнем камне лежала белая женская юбка, на втором – шелковый шарфик. Там же были обнаружены зонтик, перчатки и носовой платок. На платке вышито имя «Мари Роже». В окружающих ежевичных кустах обнаружены лоскуты, вырванные из платья. Земля вокруг этого места была утоптана, ветки кустов изломаны. Судя по всему, там происходила борьба. В оградах между этими зарослями и рекой были обнаружены проломы, на земле имелся четкий след, указывающий на то, что к реке волокли что-то тяжелое.

Еженедельная газета «Солей»³⁵ следующим образом истолковала это открытие (толкование это лишь повторяло общее настроение парижской прессы):

«Все эти вещи пролежали там самое меньшее три-четыре недели; они прибиты дождем, покрылись плесенью и слиплись. Вокруг некоторых из них уже успела вырасти трава. Шелк на зонтике не потерял прочности, но ткань села. Верхняя его часть, там, где он собирается и складывается, заплесневела и прогнила; когда зонтик попытались открыть, шелк порвался... Ровные лоскуты, вырванные из платья ветками кустов, имели примерно три дюйма в ширину и шесть дюймов в длину. Один из них (со следами штопки) был оторван от нижнего края платья, второй – вырван из его середины. Ленты эти висели на колючих кустах примерно в футе над землей. ... Таким образом, не остается сомнения, что место, где было совершено это ужасающее преступление, обнаружено».

Эта находка позволила получить новые сведения. Мадам Делюк показала, что содержит придорожный трактир недалеко от берега реки, прямо напротив заставы дю Руль. Это уединенное, можно сказать, глухое место, облюбовало городское отребье. По воскресеньям эти люди приплывают туда из города на лодках. В то воскресенье примерно в три часа пополудни в трактир вошла девушка в сопровождении смуглого молодого мужчины. Проведя там какое-то время, пара ушла и направилась в сторону рощи неподалеку. Внимание мадам Делюк привлекло платье девушки – оно показалось ей похожим на то, которое носила одна ее уже покойная родственница. Особенно ей запомнился шарфик. Вскоре после ухода пары в трактире появилась группа мерзавцев, которые вели себя совершенно разнузданно

---

³⁵ Филадельфийская «Сэтерди ивнинг пост», редактор – Ч. Д. Петерсон, эсквайр. (Примеч. авт.)

и не заплатили ни за еду, ни за выпивку. Они удалились в том же направлении, что и молодой человек с девушкой, в трактир вернулись на закате и как будто в большой спешке уплыли обратно на противоположный берег.

В тот же вечер, вскоре после того как стемнело, мадам Делюк и ее старший сын неподалеку от трактира слышали женские крики. Крики были отчаянными, но продолжались недолго. Мадам Д. опознала не только шарфик, найденный в зарослях, но и платье, которое было на трупе. Кроме того, кучер омнибуса по фамилии Валанс³⁶ также показал, что видел, как в то воскресенье Мари Роже пересекала реку на пароме в компании смуглого молодого мужчины. Он, Валанс, знал Мари и не мог ошибиться. Предметы, найденные в зарослях, родные Мари признали безоговорочно.

Сведения, собранные мною из газет по просьбе Дюпена, включали еще лишь один факт, но этот факт представлялся чрезвычайно важным. Судя по всему, сразу же после описанной выше находки неподалеку от того места, которое все теперь считали местом убийства, было найдено безжизненное или почти безжизненное тело Сент-Эсташа, жениха Мари. Рядом с ним на земле лежал пустой пузырек с надписью «Настойка опия». В его дыхании чувствовался запах яда. Умер он, не произнеся ни слова. В кармане молодого человека была найдена короткая записка, в которой он сообщал о своей любви к Мари и намерении покончить с собой.

– Думаю, вам и так понятно, – сказал Дюпен, внимательно изучив мои записи, – что это дело гораздо сложнее происшествия на улице Морг, от которого оно имеет одно важное отличие: это обычное, хоть и очень жестокое преступление. В нем нет ничего *outré*. Заметьте, именно поэтому данную загадку посчитали простой, тогда как на самом деле, это та причина, по которой ее нужно было отнести в разряд сложных. Поэтому и вознаграждение не было назначено с самого начала. Мирмидонцы нашего Г. сразу же сообразили, как и по какой причине могло быть совершено это злодеяние. Они даже нарисовали в своем воображении способ, множество способов, и мотив, множество мотивов, преступления, и, поскольку им казалось невозможным, чтобы хоть какие-то из этих многочисленных способов и мотивов не совпали с истинными, они посчитали само собой разумеющимся, что так и случится. Но сам характер этого дела, вокруг которого выросли все эти догадки, и тот факт, что все они казались в одинаковой степени правдоподобными, следовало воспринимать как дополнительную трудность, а не как обстоятельство, способное помочь расследованию. Я уже как-то говорил, что лишь по неровностям на плоскости обычного разум находит дорогу в поисках истины, если вообще это происходит, и что в подобных случаях нужно задаваться вопросом не «что случилось?», а «что случилось такого, чего не случалось никогда раньше?». Расследуя убийства в квартире мадам Л'Эспанэ³⁷, агенты господина Г. были сбиты с толку и поставлены в тупик той необычностью дела, которая для правильно настроенного интеллекта являлась явным предвестником успеха. В то же время интеллект этот мог бы спасовать перед простотой дела об убийстве девушки из парфюмерного магазина, которая в действительности не дала ничего, кроме повода чиновникам из префектуры заранее торжествовать в предвкушении легкой победы.

В случае с мадам Л'Эспанэ и ее дочери с самого начала было понятно, что мы имеем дело с убийством. Версия о самоубийстве исключалась сразу же. Здесь мы тоже знаем наверняка, что жертва не наложила на себя руки. Тело, найденное у заставы дю Руль, обнаружено при таких обстоятельствах, которые не оставляют сомнения в этом важном вопросе. Однако было высказано предположение, что найденный труп не является телом той Мари Роже, за поимку убийцы или убийц которой обещано вознаграждение и относительно кото-

---

³⁶ Эдам. (Примеч. авт.)

³⁷ См. «Убийства на улице Морг». (Примеч. авт.)

рой был заключен наш договор с префектом. Мы с вами оба хорошо знаем этого господина, поэтому не будем ему слишком доверять. Если, начав расследование с найденного тела и выйдя на убийцу, мы установим, что это труп какой-то другой девушки; или же, если мы начнем расследование с предположения, что Мари Роже жива, и найдем ее (или даже просто выясним, что она не была убита), в любом из этих случаев наши труды пропадут даром – мы же имеем дело не с кем-то, а с месье Г.! Поэтому, если не в интересах правосудия, то в наших собственных интересах необходимо для начала удостовериться, что найденный труп – это та самая пропавшая Мари Роже.

Публике доводы «Этуаль» показались вескими, а то, что в самой газете убеждены в их важности, доказывает начало одной из их статей, посвященных данной теме. «Несколько утренних газет, – говорится там, – сочли статью в понедельничном номере “Этуаль” “исчерпывающей”». Как по мне, так эта статья исчерпывающе доказывает лишь рвение ее автора. Не стоит забывать, что чаще всего наши газеты стремятся породить сенсацию, а не помочь отыскать истину. Последнее их интересует только в том случае, если совпадает с первым. Издание, мнение которого совпадает с общепринятым (каким бы обоснованным оно ни было), не интересно толпе. В большинстве своем люди считают мудрецом лишь того, чьи мысли вступают в «острое противоречие» с расхожей идеей. В искусстве мыслить, не меньше чем в литературе, быстрее и охотнее всего воспринимается парадокс. И в обоих случаях это самое сомнительное из достоинств.

Я веду к тому, что лишь сенсационность и мелодраматизм версии, что Мари Роже все еще жива, подсказали «Этуаль» эту идею и заставили широкую публику увлечься ею. Давайте рассмотрим основные пункты доказательств, которые приводит эта газета, и попытаемся избежать той непоследовательности, с которой они изложены.

Основная цель автора статьи – показать, что плававший в реке труп не мог быть трупом Мари, поскольку между ее исчезновением и его обнаружением прошло слишком мало времени. Другими словами, автору было на руку свести этот временной промежуток до минимума. Для этого он, не долго думая, ставит в основу вывода не факт, а предположение. «Было бы глупо предполагать, – пишет он, – что убийство – если ее действительно убили – совершено настолько быстро, чтобы убийцы успели бросить тело в реку до полуночи». Тут же напрашивается вопрос: почему? Почему глупо предполагать, что убийство было совершено через каких-нибудь пять минут после того, как девушка вышла из дома матери? Почему глупо предполагать, что убийство могло быть совершено в любое время дня? Убийства происходят круглые сутки. Если убийство произошло в воскресенье после девяти утра и до без четверти двенадцать ночи, убийцы могли «успеть бросить тело в реку до полуночи». Следовательно, это предположение понадобилось для того, чтобы убедить читателей, что убийство было вовсе совершено не в воскресенье, и, если мы позволим «Этуаль» делать выводы на основании подобных «допущений», мы можем позволить ей любые вольности. То предложение, которое начинается со слов «Было бы глупо предполагать, что убийство...» и так далее, хоть и напечатано в «Этуаль», на самом деле существует только в голове его автора. «Было бы глупо предполагать, что убийство – если Мари действительно убили – совершено настолько быстро, чтобы убийцы успели бросить тело в реку до полуночи; и было бы так же глупо предполагать все это, как и предполагать (раз уж мы решили предполагать), что тело *не* было брошено в реку до полуночи» – предложение само по себе достаточно непоследовательное, но, по крайней мере, не такое абсурдное, как напечатанное в газете.

Если бы я хотел, – продолжил Дюпен, – просто опровергнуть этот высказанный на страницах «Этуаль» довод, я мог бы этим и ограничиться. Но нас интересует не «Этуаль», а истина. Приведенное предложение имеет лишь один смысл, и я его сформулировал, но для нас важно добраться до идеи, которая стоит за этими словами, до идеи, которую эти слова

призваны были выразить, но так и не смогли. Журналист хотел сказать, что в какое бы время дня или ночи воскресенья ни было совершено убийство, маловероятно, чтобы убийцы рискнули нести труп к реке до полуночи. И в этом заключается то допущение, против которого я протестую. Предполагается, что убийство совершалось таким образом и при таких обстоятельствах, что тело нужно было доставлять к реке. Но ведь все могло случиться на берегу реки или даже на воде, и в таком случае выбрасывание тела в реку в любое время дня и ночи является самым очевидным и простым способом избавиться от трупа. Не подумайте, что я утверждаю, будто это вероятно или совпадает с моим собственным мнением. Мои слова не касаются фактов данного дела. Я всего лишь хочу предостеречь вас против общего тона предположения, высказанного в «Этуаль», подчеркнув его *ex parte*³⁸ характер.

И вот, поставив рамки, удобные для продвижения своей мысли, предположив, что, если это было тело Мари, оно могло пробыть в воде только очень короткое время, «Этуаль» продолжает:

«Известно, что утопленнику либо трупу, брошенному в воду сразу после убийства, требуется провести под водой от шести до десяти дней, чтобы разложиться до той степени, которая позволит ему всплыть на поверхность. Даже когда над телом, пролежавшим на дне меньше пяти-шести дней, стреляют из пушки и труп всплывает на поверхность, в скором времени, если его не забрать, он снова погружается под воду».

С этим утверждением молчаливо согласились все парижские газеты, кроме «Монитор»³⁹. Это издание вступает в спор лишь с той частью, где говорится об «утопленнике», вспомнив пять-шесть примеров, когда тела действительно утонувших всплывали раньше того срока, на котором настаивает «Этуаль». Однако со стороны «Монитор» крайне неразумно противопоставлять общему утверждению «Этуаль» несколько частных случаев. Если бы можно было привести в пример не пять, а пятьдесят случаев, когда тело поднималось со дна после двух-трех дней, и то к этим примерам нужно было бы относиться, как к исключению из общего правила, принятого «Этуаль», и так до тех пор, пока не будет опровергнуто само правило. Если признать правило (а «Монитор» его не отвергает, настаивая только на исключениях), довод «Этуаль» обречен оставаться в полной силе, поскольку он заведомо ограничивается рамками вопроса о возможности всплытия тела на поверхность раньше трех дней, и вероятность этого будет в пользу позиции «Этуаль» до тех пор, пока число примеров, приведенных с такой детской непосредственностью «Монитор», не возрастет настолько, чтобы сформировать противоположное правило.

Я думаю, вам понятно, что все споры на эту тему, если их вообще затевать, должны быть направлены против самого правила, и для этого нам потребуется вникнуть в его суть. Итак, нельзя сказать, что человеческое тело значительно тяжелее или значительно легче воды в Сене. Другими словами, удельный вес тела в его естественном состоянии примерно равен удельному весу того объема пресной воды, который оно вытесняет. Тела женщин и жирных, дородных людей с тонкими костями в среднем имеют меньший удельный вес, чем тела мужчин и людей худых и ширококостных. К тому же на удельный вес воды оказывают определенное влияние морские приливы. Однако, оставив в стороне вопрос с приливами, можно сказать, что человеческие тела, оказавшись даже в пресной воде, почти никогда не тонут сами по себе. Практически любой, упавший в реку, сможет остаться на поверхности, если позволит удельному весу воды прийти в соответствие с его собственным, то есть, если позволит своему телу как можно полнее погрузиться под воду. Для не умеющего плавать самая правильная позиция – вертикальная, как при ходьбе, с максимально запрокинутой головой, когда над поверхностью остаются только рот и ноздри. При таких условиях человек

---

³⁸ Однобокий, с преимуществом для одной стороны (*лат.*).

³⁹ Нью-йоркская «Коммерциел эдвертайзер», редактор – полковник Стоун. (*Примеч. авт.*)

обнаруживает, что может свободно держаться на плаву, не тратя на это силы. Тем не менее, очевидно, что удельный вес тела и удельный вес вытесненного объема воды находятся в очень четком равновесии, и любая мелочь может это равновесие нарушить. Например, рука, поднятая из воды и таким образом лишенная поддержки, превращается в дополнительный вес, который погрузит под воду всю голову, в то время как любой случайно оказавшийся поблизости обломок деревяшки, наоборот, позволит поднять голову выше и осмотреться. Человек, не привыкший к плаванию, барахтаясь в воде, неизменно выбрасывает руки вверх, при этом стараясь сохранить голову в привычном вертикальном положении. В итоге рот и ноздри оказываются под водой, когда человек пытается дышать, в его легкие попадает вода, и он начинает захлебываться. Большое количество воды попадает также в живот, отчего все тело становится тяжелее из-за разницы в весе воздуха, которым раньше были наполнены эти полости, и жидкости, которая начинает занимать его место. Как правило, разницы этой достаточно, чтобы полностью погрузить тело под воду, но только не в том случае, когда люди тонкокостные или имеющие избыточный объем мягких тканей либо жира. Такие остаются на плаву даже после того, как захлебываются.

Труп, который находится на дне реки, будет оставаться там до тех пор, пока каким-то образом его удельный вес снова не станет меньше удельного веса вытесняемого им объема воды. Это может происходить из-за разложения или по какой-то иной причине. Разложение приводит к тому, что в теле начинает вырабатываться газ, который расширяет рыхлую соединительную ткань и все полости, из-за чего тело и принимает такой ужасный раздутый вид. Когда это расширение доходит до такой степени, что труп начинает физически увеличиваться в размерах, не увеличивая при этом свою массу или вес, тело становится легче воды и незамедлительно всплывает на поверхность. Однако на разложение оказывает влияние огромное количество обстоятельств, есть масса причин, которые могут либо ускорить его, либо замедлить. Например, время года, чистота воды или насыщенность ее минералами, глубина, скорость течения, температура тела, последствия болезней, которыми страдал человек при жизни, и так далее. Таким образом, становится понятно, что мы не можем с какой-либо определенностью установить то время, через которое тело поднимется на поверхность в результате разложения. При одних условиях оно всплывет через час, при иных – этого вовсе не произойдет. Есть химические вещества, присутствие которых в клетках организма навсегда защищает его от разложения, скажем, дихлорид ртути. Однако помимо разложения, газ может выделяться – и чаще всего выделяется – в результате уксусного брожения находящихся в желудке веществ растительного происхождения, да и в других полостях могут скапливаться газы в достаточном количестве, чтобы раздуть тело настолько, что оно поднимется на поверхность. Стрельба из пушки над водой вызывает всего лишь вибрацию, которая может освободить тело из мягкого ила или жидкой грязи, удерживающих его на дне, и заставить всплыть, если другие процессы уже подготовили его к этому. Или же она может преодолеть сопротивление некоторых сгнивших масс клеточных тканей, что приведет к выбросу газа во внутренние полости и их расширению.

Итак, поняв суть данного процесса, мы теперь можем судить о правильности утверждений «Этуаль». «Известно, что утопленнику либо труп, брошенному в воду сразу после убийства, – говорится в газете, – требуется провести под водой от шести до десяти дней, чтобы разложиться до той степени, которая позволит ему всплыть на поверхность. Даже когда над телом, пролежавшим на дне меньше пяти-шести дней, стреляют из пушки и труп всплывает на поверхность, в скором времени, если его не забрать, он снова погружается под воду».

Теперь все это кажется набором непоследовательных и бессвязных слов. Нам вовсе не известно, что «утопленнику» требуется провести под водой от шести до десяти дней, чтобы разложиться до той степени, которая позволит ему всплыть на поверхность. И наука,

и человеческий опыт говорят о том, что время, необходимое для всплытия тела, определить невозможно. Если сверх того тело всплыло после пушечной стрельбы, оно не погрузится снова под воду до тех пор, пока не разложится настолько, что газы выйдут из него. Но я хочу привлечь ваше внимание к указанной разнице между «утопленником» и «трупом, брошенным в воду сразу после убийства». Автор хоть и понимает различие, тем не менее включает их в одну категорию. Я уже рассказал о том, каким образом тело тонущего становится тяжелее соответствующего объема воды, и что оно вовсе не утонет, если исключить барахтанье, при котором над водой поднимаются руки, и попытки вдохнуть под водой, из-за чего место воздуха в легких занимает вода. В случае «трупа, брошенного в воду сразу после убийства» о барахтанье и дыхании речь, конечно же, не идет, то есть, такое тело, как правило, всегда остается на плаву. Похоже, что с этим фактом «Этуаль» не знакома. Когда разложение достигает значительной степени (когда большие части плоти отстают от костей), тогда тело действительно скрывается под водой, но не раньше.

Что же нам делать с утверждением, что найденное тело не может быть телом Мари Роже потому, что со дня ее исчезновения прошло всего трое суток, а его нашли плавающим? Если бы женщина захлебнулась насмерть, ее тело могло остаться на плаву, а если бы и пошло ко дну, то могло всплыть через двадцать четыре часа, а то и меньше. Но никто не считает, что она утонула, и, поскольку умерла она до того, как попала в реку, ее плавающий в воде труп могли найти в любое время после того, как его туда бросили.

«Но, – заявляет «Этуаль», – если тело в подобном изувеченном виде до ночи со вторника на среду пролежало на берегу, там должны были остаться какие-то следы убийц». Тут даже трудно сходу определить, что автор хотел этим сказать. Похоже, он намеревается предвосхитить возражение, которое может вызвать его версия, *viz*⁴⁰: то, что тело два дня пролежало на берегу, претерпевая быстрое разложение... Более быстрое, чем если бы оно находилось в воде. Он предполагает, что, если бы это действительно было так, тело могло всплыть в среду, и думает, что только при таких обстоятельствах это могло произойти. Соответственно, он поспешил доказать, что тело не лежало на берегу: видите ли, в таком случае «там должны были остаться какие-то следы убийц». Я думаю, ваша улыбка вызвана этим *sequitur*⁴¹. Вы не можете понять, каким образом продолжительность нахождения трупа на берегу может приумножить следы убийц. Я – тоже.

«И более того, – продолжает наша газета, – очень маловероятно, чтобы те нелюди, которые совершили это убийство, бросили тело своей жертвы в воду, не привязав к нему какой-либо груз, если принять эту меру предосторожности не составляло никакого труда». Обратите внимание на смехотворную путаницу в мыслях. Никто, даже сама «Этуаль» не сомневается, что найденное тело принадлежит жертве убийства, ибо следы насилия слишком очевидны. Наш мыслитель преследует лишь одну цель: убедить читателей, что найденное тело – это не Мари. Он хочет доказать, что Мари не убита, а не то, что найденный труп не является жертвой убийства. Тем не менее его замечание доказывает исключительно последний пункт. Мы имеем труп, к которому не прикреплен груз. Убийцы, бросая его в воду, сделали бы это непременно. Отсюда вывод: он не был брошен в воду убийцами. Если это предложение и доказывает что-нибудь, то только это. Вопрос об установлении личности даже не ставится, и «Этуаль» теперь старается изо всех сил, чтобы опровергнуть свои же собственные выводы, сделанные секунду назад. «Мы совершенно уверены, – говорится здесь, – что найденная женщина была убита».

И это не единственный пример того, как автор невольно вступает в противоречие со своими же собственными словами, даже в этой части рассуждений. Его очевидная цель,

⁴⁰ А именно (*лат.*).

⁴¹ Следственная связь (*лат.*).

как я уже сказал, – как можно сильнее уменьшить временной промежуток между исчезновением Мари и обнаружением трупа. И в то же время он уделяет особое внимание тому, что никто не видел девушку после того, как она покинула дом матери. «Мы и не знаем наверняка, была ли Мари Роже все еще на этом свете после девяти часов в воскресенье двадцать второго июня». Раз уж его доводы настолько *ex parte*, ему бы следовало, по крайней мере, вообще не касаться этого обстоятельства, поскольку, если бы сыскался кто-нибудь, кто видел Мари, скажем, в понедельник или во вторник, промежуток этот сократился бы значительно, и это, согласно его же логике, заметно уменьшило бы вероятность того, что обнаруженный труп действительно является телом гризетки из парфюмерного магазина. Все же довольно забавно наблюдать за тем, как «Этуаль» настаивает на этой подробности, искренне полагая, что может этим подкрепить общий ход своих рассуждений.

Давайте теперь внимательно рассмотрим ту часть статьи, в которой говорится, как Бове проводил опознание тела. Что касается волосков на руке, тут «Этуаль» явно хитрит. Месье Бове не идиот, он не стал бы считать наличие волосков на руке приметой, по которой можно опознать труп. Не бывает рук, полностью лишенных волос. Неопределенность выражения, использованного «Этуаль», является всего лишь искажением слов, произнесенных свидетелем. Должно быть, он говорил о каком-то особенном свойстве этих волосков: о необычном цвете, о густоте, длине, об их расположении или о чем-то другом в этом роде.

«У нее, – пишет газета, – маленькие ступни. Но есть тысячи ступней такого же размера. Подвязка ее и вовсе не может служить доказательством, как и туфли. То же самое можно сказать и о цветах на шляпке. Месье Бове особенно выделяет, что застежка у нее на подвязке была подогнана под ее размер. Но это тоже ничего не значит, потому что большинство женщин предпочитают не примерять подвязки в магазине, а подшивать под свой размер дома». Трудно предположить, что в данном случае автор статьи пишет искренне. Если бы месье Бове, разыскивая тело Мари, обнаружил труп девушки, похожей на нее размером и внешним видом, он уже имел бы право посчитать (не касаясь вопроса ее одежды), что его поиски увенчались успехом. Если, вдобавок к общему размеру и виду, он еще и увидел на ее руке какие-то особенные волоски, такие же, какие видел на живой Мари, его уверенность только усилилась бы, и сила уверенности вполне могла находиться в зависимости от того, насколько характерны или необычны были эти волоски. Если ступни у Мари были маленькие и ступни трупа оказались такими же маленькими, степень вероятности того, что найденное тело и есть Мари, увеличилась бы не в арифметической, а в геометрической прогрессии или кумулятивно. Добавьте к этому туфли, такие же, как те, что были на ней в день исчезновения. Хоть туфли эти и «поступают в продажу партиями», их наличие возводит вероятность в степень уверенности. То, что само по себе не является особой приметой, в совокупности с другими подробностями становится верным доказательством. А если вспомнить и цветы на шляпке, такие же, как носила пропавшая девушка, этим доказательство можно и ограничить. Если бы там был только один цветок, и этого было бы достаточно, но каждый последующий не прибавляет дополнительное очко уже существующей уверенности, а умножает ее в сотни, тысячи раз. Кроме того, на трупе обнаруживаются еще и подвязки, точно такие же, как те, что носила Мари при жизни. Искать дополнительные доказательства просто глупо! Но подвязки эти ко всему еще и имеют застежки, подогнанные по ноге таким же способом, как это сделала Мари незадолго до выхода из дома. Продолжать и после этого сомневаться – либо безумство, либо лицемерие. То, что «Этуаль» не придает значения подшитым застежкам на подвязках, говорит только о том, что газета упорно не желает расставаться со своей ошибкой. Застежки на подвязках крепятся на растягивающейся основе, это уже само по себе указывает на необычность того, что их пришлось укорачивать. То, что сделано так, чтобы садиться по размеру, редко когда требует дополнительной подгонки. Скорее всего, то, что Мари пришлось подгонять их, является случайностью в самом строгом смысле этого

слова. Одних этих подвязок вполне хватило бы, чтобы установить ее личность. Но главное не то, что на трупе были такие же подвязки, как на исчезнувшей девушке, такие же туфли, шляпка, цветы на шляпке; не то, что у него были такие же ступни; не особая примета в виде характерных волосков на руке; не то, что общим внешним видом и размерами он напоминал исчезнувшую... Главное то, что труп имел *все* эти особенности. Если бы можно было доказать, что журналист из «Этуаль» в данных обстоятельствах искренне продолжает сомневаться, с ним бы все было ясно и без комиссии *de lunatic inquirendo*⁴². Он посчитал, что его сочинению придаст веса повторение манеры разговора встречающихся где-нибудь вне работы адвокатов, которые сами чаще всего повторяют формальный стиль речи, принятый для общения в залах суда. Надо заметить, что большая часть тех доказательств, которые отвергаются судами, человеку здравомыслящему, наоборот, представляется наиболее убедительными доказательствами. Ведь суд руководствуется принципами признания улики – общепринятыми и записанными в правилах – и неохотно отходит от них в конкретных случаях. Строгое соблюдение этих принципов при полном пренебрежении к исключениям по большому счету является верным способом достичь максимума истины. То есть, в целом такой подход можно назвать философским, но это также означает, что на уровне частных случаев он допускает огромное количество ошибок⁴³.

Что касается оскорбительных намеков в адрес Бове, все их можно отмести разом. Вам, очевидно, уже ясен характер этого доброго человека. Это дотошный мужчина, у которого в голове много романтики, но мало ума. Любой человек такого склада в подобных необычных обстоятельствах повел бы себя так же и навлек бы на себя подозрение со стороны излишне проницательных или предвзято относящихся к нему. Месье Бове (как явствует из ваших записей) несколько раз беседовал с журналистом из «Этуаль» и задел его своей уверенностью в том, что этот труп, вопреки точке зрения самого журналиста, вне всякого сомнения, является трупом Мари. «Он упорно настаивает на том, что это труп Мари, – говорится в газете, – но не может в подтверждение своих слов привести ни одного действительно убедительного доказательства, кроме тех, о которых мы уже рассказывали». Так вот, если не вспоминать лишний раз о том, что более «убедительного» доказательства, которое он уже привел, не требуется, можно заметить, что вполне понятно, почему человек в подобных обстоятельствах совершенно убежден в своей правоте, но не может высказать причин своей убежденности, которые могли бы заставить так же поверить в это кого-то другого. Нет ничего более трудноопределимого, чем образ другого человека, который рождается у нас в сознании. Любой человек узнает соседа, но почти никогда не может четко выразить, по каким именно критериям происходит это «узнавание». Журналист из «Этуаль» не имел права упрекать месье Бове в безосновательности его убежденности.

Его якобы подозрительное поведение намного проще объяснить моим предположением о романтической дотошности, чем виновностью перед законом, в которой его подозревает автор статьи в «Этуаль». Приняв более благосклонную позицию, мы легко объясним и розу в замочной скважине, и имя Мари на грифельной доске, и «оттеснение на второй план всех родственников мужского пола», и то, что он якобы добивается, «чтобы никто из родных убитой не увидел тела», и его предостережение мадам Б. не разговаривать с жандармом до его (Бове) возвращения, и, наконец, его откровенное стремление к тому, чтобы

⁴² По обследованию умственных способностей (*лат.*).

⁴³ «Всякая теория, основанная на качествах явления, не позволит ему раскрыться в соответствии с его целями, и тот, кто будет распределять события относительно их причин, не сможет оценивать их в соответствии с тем, к каким результатам они привели. Таким образом, законодательство любой страны показывает, что закон, приобретая черты науки и системы, перестает быть справедливым. Об ошибках, к которым слепое следование принципам классификации приводит общее право, свидетельствует то, как часто законодательные органы вынуждены восстанавливать справедливость, нарушенную созданной ими же системой». Лендор. (*Примеч. авт.*)

«никто кроме него не принимал участия в расследовании». По-моему, вполне очевидно, что Бове был поклонником Мари, что она кокетничала с ним и что он хотел создать впечатление, будто у них были близкие отношения, и он пользовался ее полным доверием. На этом данный вопрос я закрою, и, поскольку факты полностью опровергают заявление «Этуаль» насчет безразличия со стороны матери и остальных родственников – безразличия, несообразного с их предполагаемой уверенностью в том, что убитая и есть девушка из парфюмерной лавки, – в дальнейшем можно будет считать, что личность трупа установлена.

– А что вы думаете о взглядах «Коммерсьель»? – спросил я.

– То, что они заслуживают намного большего внимания, чем все прочие, высказанные об этом деле. Ее логические выводы на основании различных предпосылок умны и точны, однако, по меньшей мере, в двух примерах предпосылки эти сами основаны на неточных наблюдениях. «Коммерсьель» приходит к выводу, что Мари рядом с домом матери попала в руки банде отпетых негодяев. «Невозможно, – замечает она, – чтобы кто-либо настолько известный, как эта молодая женщина, прошел три квартала и совершенно никем не был замечен». Так может считать лишь человек, который давно живет в Париже, светский человек, передвижение по городу которого в основном происходит в поле зрения общественных мест. Он понимает, что для него почти невозможно пройти мимо дюжины сотрудников из его же конторы, чтобы при этом его не узнали и не приветствовали. Думая о собственном круге знакомств и о том, насколько он известен другим, автор этой статьи, ставя на один уровень собственную узнаваемость с узнаваемостью девушки из парфюмерного магазинчика, не видит между ними большой разницы и тут же приходит к выводу, что ее на улице должны были узнавать так же, как и его. Об этом можно было бы говорить, если бы она, как и он, всегда перемещалась по улицам одним маршрутом и в одно и то же время. Ему привычно ходить через одинаковые промежутки времени внутри ограниченной территории, где полным-полно сотрудников, ожидающих его появления. Но с большой долей вероятности можно предположить, что перемещения Мари были хаотичны. В тот раз, вероятнее всего, она отправилась наименее привычным для себя маршрутом. Параллель, которая, судя по всему, существует в мыслях журналиста «Коммерсьель», имела бы право на существование в том случае, если бы речь шла о пересечении ими обоими всего города. Тогда, при условии что степень узнаваемости обоих уравнена, шансы на то, что их узнало бы примерно одинаковое количество людей тоже примерно уравнились бы. Со своей стороны, я бы считал не просто возможным, а очень даже вероятным то, что Мари в любое время могла пройти по одному из многочисленных маршрутов от своего дома до дома тети и не встретить при этом ни одного знакомого или человека, который знал бы ее. Рассматривая этот вопрос в общем и полном свете, нам необходимо помнить о колоссальной диспропорции между кругом знакомств даже самой большой парижской знаменитости и общим числом парижан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.